

Джеймс Роллинс Алтарь Эдема

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2968045
Алтарь Эдема: Эксмо, Домино; Москва, Санкт-Петербурге; 2011
ISBN 978-5-699-48840-7*

Аннотация

После жесточайшего урагана пограничная служба обнаружила в дельте Миссисипи потерпевший крушение траулер. Но странное дело, на судне нет ни одного человека команды, зато в трюме пограничники находят удивительный груз – попугая в клетке, умеющего вычислять число «пи», детеныша саблезубого ягуара, питона, обладающего конечностями, и множество других невероятных животных, словно бы явившихся в наше время из каких-то доисторических эпох. Для того чтобы разобраться с находкой, на судно приглашают ученого специалиста из Нового Орлеана. Лорна Полк еще не приступила к исследованиям, как на траулере и вокруг него начинают происходить странные и страшные события...

Содержание

Благодарности	4
Акт первый	10
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	39
Глава 11	43
Глава 12	46
Глава 13	50
Глава 14	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Джеймс Роллинс

Алтарь Эдема

*Моей сестре Лори.
Мы все любим тебя*

*И Вавилон будет грудой развалин, жилищем шакалов, ужасом и
посмеянием, без жителей.
Книга пророка Иеремии, 51:37*

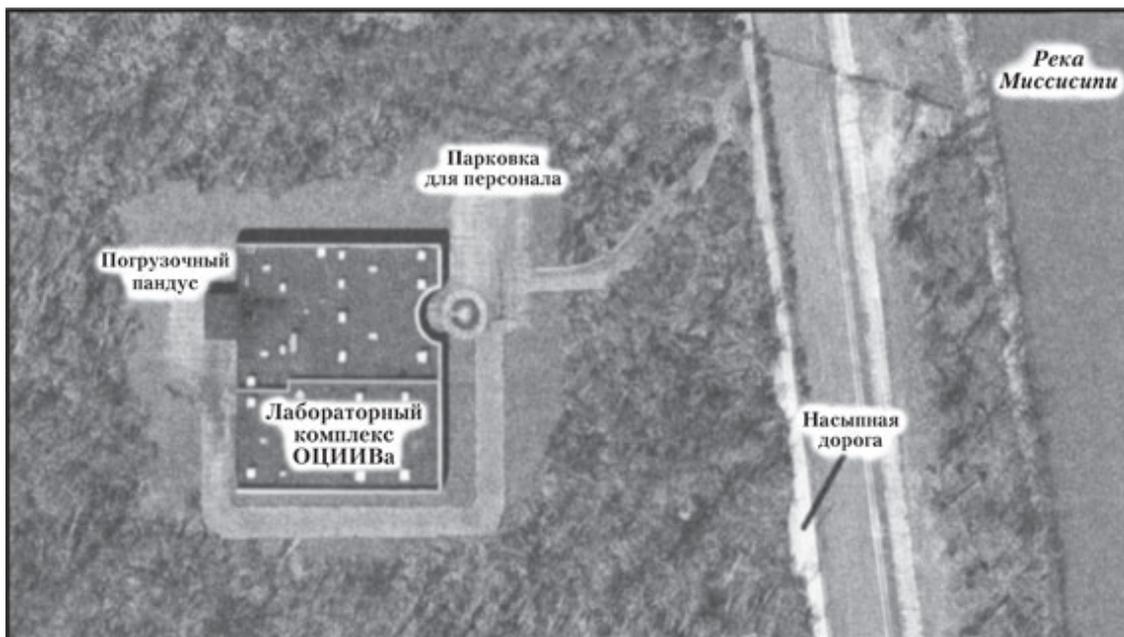
*И что за чудище, дождавшись часа,
Ползет, чтобы родиться в Вифлееме?
У. Б. Йейтс*

*Изучение природы делает человека в конечном счете таким же
жестоким, как природа.
Г. Дж. Уэллс*

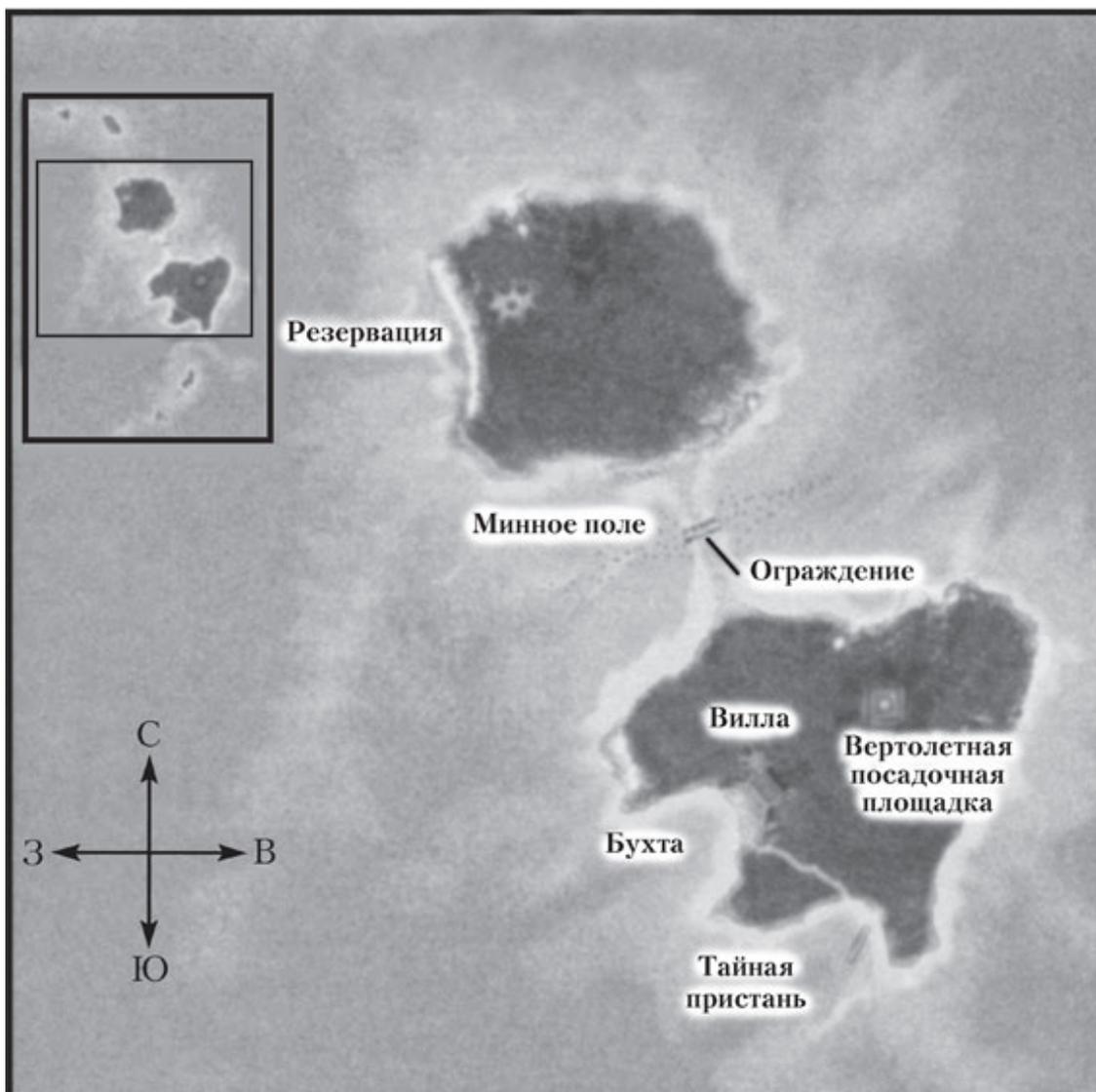
Благодарности

Я никогда не был твердым приверженцем старой мудрости: «Пиши о том, что знаешь». Какое в этом удовольствие? Но все же, получив ветеринарное образование, я всегда хотел написать книгу, главным героем которой был бы ветеринар. Но даже и в данном случае я не мог в полном объеме следовать старой мудрости. Чтобы написать этот роман, мне пришлось воспользоваться помощью множества людей. В первую очередь, как всегда, я должен отдать должное моей группе критиков. Это Пенни Холл, Джуди Прей, Дейв Муррей, Каролин Уильям, Крис Кроу, Ли Гаррет, Джейн О’Рива, Салли Барнс, Денни Грейсон, Леонард Литтл, Кати Л’Экюз, Скотт Смит, Крис Смит и Уилл Муррей. Отдельная благодарность Стиву Прею за его помощь с картами. Каролин Маккрей и Дэвид Сильвиан, не входящие в эту группу, решают мои бытовые проблемы, давая мне тем самым возможность писать. Доктор Скотт Браун уточнил некоторые медицинские детали, а Чери Маккартер продолжает служить источником информации (включая и статью о змее, родившейся с ногой... как мне это понравилось!). Особая благодарность Стиву и Элизабет Бери за их великую дружбу (и за Лиз, которой нет в этой книге, поэтому правильно будет упомянуть ее здесь). И наконец, хочу выразить признательность четырем людям, которые помогали мне на всех этапах работы: моему редактору Лисе Койх и ее коллеге Уэнди Ли, а также моим литературным агентам Руссу Галену и Дэнни Барроу. Они служили надежной опорой автору. И как всегда, должен сказать, что все фактические ошибки и неточности – целиком на совести автора.

ОЦИИВ (Одюбонский центр по исследованию исчезающих видов)

Лост-Иден-Кей

Апрель 2003

Багдад, Ирак

Два мальчика стояли у клетки для львов.

– Я не хочу входить внутрь, – сказал младший. Он притиснулся к своему брату, изо всех сил вцепившись в его руку.

На обоих были огромные, не по росту куртки, лица в царапинах, на головах шерстяные шапочки. В этот ранний час, когда солнце еще не взошло, утренний холод пробирал до костей и приходилось двигаться, чтобы не замерзнуть.

– Бари, клетка пуста. Да не будь ты таким шакхифом. Смотри. – Макин, старший из двух, распахнул металлическую дверь, за которой стали видны голые бетонные стены. В темном углу лежала небольшая груда старых изгрызенных костей. – Из них может получиться неплохой суп.

Макин оглянулся на руины зоопарка. Он помнил, как здорово здесь было когда-то. Полгода назад, на его двенадцатилетие, они пришли сюда, чтобы устроить пикник в саду Аль-Завраа с его аттракционами и зоопарком. Весь тот теплый день семья гуляла вдоль клеток с обезьянами, попугаями, верблюдами, волками, медведями. Макин даже скормил одному из верблюдов яблоко. Он все еще помнил это ощущение резиновых губ на своей ладони.

Стоя здесь теперь, он смотрел на тот же парк, но постаревшими глазами, постаревшими больше чем на полгода, что прошли с того дня. Парк превратился в свалку мусора, зачумленную страну почерневших от огня стен, зловонных луж, подернутых нефтяной пленкой, и взорванных зданий.

Месяц назад Макин из окон своей квартиры вблизи парка смотрел, как среди этих пышных деревьев происходят огневые стычки американцев и Республиканской гвардии. Яростное сражение завязалось с наступлением сумерек, стрельба и вой ракет продолжились и ночью. К утру все затихло. Над землей повис густой дым, за которым целый день не было видно солнца. С балкона их небольшой квартирке Макин увидел льва – тот вышел из парка и побрел в город. Он двигался, словно неясная тень, и вскоре исчез на улицах. Бежали и другие животные, зато в течение двух следующих дней парк наводняли толпы людей.

Мародеры – так их назвал отец, он тогда сплюнул на пол и выругался неприличными словами.

Клетки стояли нараспашку, животные были похищены – некоторые пошли на стол, некоторых продали на черном рынке за рекой. Отец Макина и еще несколько человек отправились за помощью, чтобы защитить их район от разграбления, но он так и не вернулся. Никто из них не вернулся.

В течение следующих недель бремя забот о семье легло на Макина. Мать расхворалась, голова у нее горела от жара, она потерялась в пространстве между ужасом и скорбью. Все, что Макин мог для нее сделать, – это давать ей немного воды.

Если бы он мог приготовить для нее хороший суп, дать чего-нибудь поесть...

Он снова осмотрел кости в клетке. Каждое утро они с братом по часу бродили в разоренном саду и зоопарке, отыскивая чего-нибудь съестное. На плече у него висел мешок из грубой ткани, а в нем болтался заплесневелый апельсин и горсть семян, сметенных с пола в птичьей клетке. Маленький Бари тоже нашел кое-что в мусорном бачке – помятую консервную банку с бобами. Увидев ее, Макин чуть не расплакался и завернул сокровище в плотный свитер своего младшего брата.

Вчера какой-то мальчишка постарше с длинным ножом отобрал у Макина его мешок, и тот вернулся домой с пустыми руками. В этот день они ничего не ели. Но сегодня они уж как наедятся. Даже мама, иншаллах, молился он.

Таща за собой Бари, Макин вошел в клетку. Издалека доносились короткие автоматные очереди, словно сердитые хлопки недобрых рук, которые пытались отогнать их.

Старший брат был осторожен. Он знал, что нужно торопиться, и не хотел оставаться на улице, когда взойдет солнце, – это будет слишком опасно. Устремившись к кучке в углу, он опустил мешок на пол и принялся складывать в него обгрызенные суставы и поломанные кости.

Закончив, он завязал мешок и встал, но не успел сделать и шага – где-то рядом прозвучал голос, произнесший несколько слов на арабском:

– Йалла! Сюда! Ко мне!

Макин пригнулся и усадил на корточки Бари, укрываясь за шлакоблочной стенкой высотой до колена в передней части клетки, и прижал к себе брата, чтобы тот помалкивал.

Перед клеткой прошли крупные тени. Чуть высунув голову, Макин мельком увидел двоих: один высокий в военной защитной форме, другой коренастый, с большим животом, одетый в темный костюм.

– Вход через ветеринарную клинику, – сказал толстый, проходя мимо клетки. Он пыхтел и отдувался, чтобы не отстать от высокого в военной форме, который шел широкими шагами. – Могу только молиться, чтобы мы не опоздали.

Макин увидел пистолет в кобуре на поясе высокого и понял – если их увидят, это будет конец.

Бари задрожал под его рукой, тоже почувствовав опасность.

К несчастью, эти двое не ушли далеко: ветеринарная клиника находилась напротив клетки. Толстый не стал приближаться к перекоренной двери: два дня назад ее ломами сорвали с петель, все лекарства и медицинские принадлежности вынесли. Вместо этого он направился к стене между двумя колоннами и сунул руку за одну из них. Макин не разглядел, что он там сделал, но мгновение спустя в стене открылся проход. Оказалось, что там потайная дверь.

Макин плотнее прижался к решетке. Отец читал ему истории про Али-Бабу, про тайные пещеры и бесчисленные сокровища, спрятанные в пустыне. Им с братом удалось найти в зоопарке лишь несколько сухих костей да бобы. В животе у Макина заурчало, когда он представил себе пиршество, приготовленное, наверное, внизу, – от такого не отказался бы и принц воров.

– Подождите здесь, – сказал толстяк и принялся спускаться по ступенькам.

Вскоре он исчез из вида, а человек в форме занял пост у дверей, держа руку на пистолете. Он скользнул взглядом в сторону клетки, но Макин нырнул за стенку и затаил дыхание. Сердце колотилось как сумасшедшее.

Неужели этот с пистолетом увидел его?

Раздались шаги – они приближались к клетке. Макин изо всех сил притиснул к себе брата, но секунду спустя услышал звук зажигающейся спички и почувствовал запах сигаретного дыма. Военный принялся ходить вдоль клетки, словно это он находился за решеткой и метался из угла в угол, как обалдевший от скуки тигр.

Макин чувствовал, как дрожит Бари, изо всех сил вцепившись в его пальцы. Что, если этот войдет в клетку и увидит их?

Казалось, прошла вечность, прежде чем снова раздался уже знакомый сипловатый голос из двери:

– Есть!

Военный бросил сигарету на цементный пол у дверей клетки и направился к своему спутнику.

– Инкубаторы были обесточены, – тяжело дыша, сказал толстый, – видимо, бегом поднимался по ступеням. – Не знаю, сколько проработали генераторы после отключения энергии.

Макин рискнул поднять голову и бросить взгляд сквозь прутья решетки.

– Они целы? – спросил военный. Он тоже говорил по-арабски, но у него было не иракское произношение.

Толстый опустил на колено, поставил ящик себе на ногу и, немного повозившись, поднял крышку. Макин ожидал увидеть золото и бриллианты, но внутри оказались яйца, уложенные в формованный пенопласт. По виду они ничем не отличались от тех, которые мать мальчиков покупала на рынке, и при виде их чувство голода стало еще сильнее – даже страх ему был не помехой.

Толстяк осмотрел яйца, пересчитал и испустил долгий сиплый вздох облегчения:

– Все целые. Дай бог, чтобы эмбрионы были живы.

– А остальная лаборатория?

Толстяк опустил крышку и встал.

– Ваша команда должна будет сжечь все это. Чтобы никто никогда не узнал о нашем открытии. Ни малейшего следа не должно остаться.

– Я знаю свой долг.

Когда толстяк выпрямился, военный поднял пистолет и выстрелил ему в лицо. Раздался звук, похожий на удар грома, череп толстяка раскололся, брызнули осколки костей вперемешку с кровью. Еще мгновение мертвец стоял, а потом рухнул на землю.

Мальчик зажал себе рот, чтобы не закричать.

– Ни малейшего следа, – повторил убийца и поднял ящик с земли, потом прикоснулся к рации на плече и заговорил по-английски: – Давайте сюда грузовики и готовьте зажигательные заряды. Нужно выбираться из этой песчаной коробки, пока не появились местные.

Макин немного научился говорить по-американски. Всех слов, сказанных человеком, он не смог разобрать, но суть прекрасно понял.

Сейчас здесь появятся еще люди. С оружием.

Он оглянулся в поисках выхода, но в этой львиной клетке они были как в ловушке. Видимо, его младший братишка тоже почувствовал растущую опасность и после выстрела стал дрожать еще сильнее. Наконец Бари больше не мог сдерживать страх, и из его груди вырвалось сдавленное рыдание.

Отчаянно надеясь, что плач не был услышан, Макин еще сильнее прижал к себе брата. Но шаги снова приблизились, и раздался резкий выкрик на арабском:

– Кто там? Покажись! Та'аал хнаа!

– Сиди тихо. Будто тебя тут и нет, – шепнул Макин, прижав губы к уху брата, поглубже затолкал Бари в угол, а сам встал с поднятыми руками и сделал шаг.

– Я искал чего поесть! – сказал Макин, запинаясь, проглатывая слова.

Пистолет смотрел черным дулом прямо на него.

– Иди-ка сюда, валад!

Мальчик подчинился – подошел к двери клетки и выскользнул наружу, держа руки поднятыми.

– Пожалуйста, ахки. Лаа терми! – Он попытался перейти на английский, стремясь показать, что он на стороне этого военного. – Стрелять нет. Я не видеть... Я не знать...

Он пытался подыскать какие-то аргументы, какие-то слова, которые спасли бы его. На лице чужака он видел смесь сочувствия и сожаления.

Дуло пистолета с безжалостной решимостью поднялось выше.

Макин почувствовал, как горячие слезы побежали по щекам.

Сквозь влажный туман он различил какое-то движение. За спиной военного потайная дверь открылась чуть шире – кто-то толкнул ее изнутри. Большая темная тень выскользнула наружу и устремилась к человеку с пистолетом. Она бежала, пригибаясь и держась темных мест, словно боялась света.

Мальчик мельком увидел хищную, мускулистую, поджарую безволосую фигуру с пылающими яростью глазами. Его ум пытался понять, что же он видит, но не мог. Вопль ужаса поднимался в груди.

Тварь двигалась бесшумно, но человек с пистолетом, видимо, что-то почувствовал и обернулся. Как раз в этот момент существо прыгнуло, и человек резко закричал. Грохнул выстрел, но его заглушил дикий вопль, от которого волосы у Макина встали дыбом.

Мальчик развернулся и бросился назад к клетке.

– Бари! – Он схватил братишку за руку, вытащил из клетки и толкнул вперед. – Йалла! Беги!

Чуть поодаль на земле боролись человек и животное. Раздалось еще несколько выстрелов, потом Макин услышал у себя за спиной тяжелый топот ног. С другой стороны парка бежали еще люди, выкрики перемежались пальбой.

Охваченный животным ужасом, мальчик мчался по изуродованному парку, не обращая внимания на шум, не заботясь о том, что кто-то может его увидеть. Он бежал и бежал, преследуемый криками, которые навсегда останутся в его кошмарных снах.

Он не понял ничего из того, что случилось, и только одно знал наверняка. Он запомнил горящие, голодные глаза разумного существа, светящиеся коварством.

Мальчик знал, что это было. Зверь, который в Коране называется Шайтан, рожденный из божественного огня и проклятый за то, что не пожелал признать верховенство Адама. Макин узнал истину.

Наконец дьявол пришел в Багдад.

Акт первый Первая кровь

Глава 1

23 мая, 7.32 утра

Новый Орлеан

Когда «бронко» продирался через обломки, оставленные ураганом, его так подбросило на очередной яме, что Лорна едва не пробила головой крышу салона. Машина соскользнула на левую обочину влажной дороги, и она сняла ногу с педали газа, пытаясь вернуть контроль над автомобилем.

Пронесшийся над Новым Орлеаном ураган «Катрина» сорвал листву с деревьев, ручьи вышли из берегов, а в чьем-то плавательном бассейне даже оказался аллигатор. К счастью, основную свою мощь выдыхающийся смерч обрушил на территории дальше на западе. И тем не менее матушка-природа своими ливнями словно решила вернуть эти места к их исходному заболоченному состоянию.

Мчась по дороге вдоль реки, Лорна думала об одном – о телефонном звонке, который раздался двадцать минут назад. В ОЦИИВе остались без энергии. Генераторы не включились, а потому сотни исследовательских проектов оказались под угрозой.

Она обогнула последнюю излучину Миссисипи, и впереди показался Одюбонский центр по исследованию исчезающих видов – он занимал площадь более тысячи акров вниз по реке от Нового Орлеана. Хотя и связанный с городским зоопарком, ОЦИИВ не предназначался для публики. На защищенной лесом территории располагалось несколько открытых загонов, но главным в Центре было здание общей площадью тридцать шесть тысяч квадратных футов, вмещавшее шесть лабораторий и ветеринарную клинику.

В этой клинике и работала доктор Лорна Полк, написавшая диссертацию по теме «Медицина диких и прирученных животных». На ее попечении находился замороженный зоопарк – двенадцать емкостей жидкого азота, в котором хранились сперма, яйцеклетки и эмбрионы сотен исчезающих видов: горной гориллы, суматранского тигра, газели Томсона, толстотелой обезьяны, африканского буйвола.

Эта работа представляла собой лакомый кусок – в особенности если тебе всего двадцать восемь и ты только-только закончила аспирантуру. Ее исследования обещали с помощью искусственного осеменения, трансплантации зародыша и клонирования на основе замороженного генетического банка отодвинуть исчезающие виды от края пропасти. И хотя ответственность, лежавшая на ней, была велика, Лорна любила свою работу и знала, что делает ее хорошо.

Она неслась по дорожке к главному зданию, когда зазвонил мобильник, вставленный в специальное гнездо. Вцепившись в баранку одной рукой, Лорна схватила телефон и поднесла к уху. Звонивший, вероятно, услышал щелчок включения, потому что заговорил, даже не дождавшись ответа:

– Доктор Полк, это Джеральд Гранджер из технической службы. Решил, что нужно вас известить. Мы запустили генераторы и теперь подаем питание на обесточенную линию.

Она посмотрела на часы, вделанные в торпеду пикапа: электричества не было около сорока пяти минут. Произведя в уме подсчеты, Лорна испустила вздох облегчения.

– Спасибо, Джеральд. Я буду через минуту. – И закрыла телефон.

Добравшись до парковки для персонала, она остановила машину и опустила голову на руль – от огромного облегчения ей хотелось заплакать. Еще несколько мгновений пришлось потратить на то, чтобы окончательно успокоиться, потом она выпрямилась и сместила взгляд на руки, лежащие на коленях. И только тут осознала, что же на ней надето. Она выскочила из дома в помятых джинсах, старой серой водолазке и ботинках, что мало соответствовало образу ученого-специалиста, в котором она обычно здесь появлялась.

Уже собираясь вылезать из «бронко», она поймала свое отражение в зеркале заднего вида. Боже мой... Ее светлые волосы, как правило аккуратно расчесанные, с утра были связаны конским хвостиком на затылке, но теперь выбившиеся пряди торчали во все стороны. Образ растрепы дополняли косо сидевшие на переносице очки в черной оправе. Короче, гораздо больше она сейчас напоминала пьяную студентку, возвращающуюся с гулянки.

Что ж, решила она, если все так плохо, пусть будет еще хуже, и отстегнула заколку, позволив волосам упасть на плечи. После чего вылезла из машины и двинулась к главному входу.

Но не успела она дойти до дверей, как ее внимание привлек необычный шум. Чоп-чоп – раздавалось где-то рядом. Повернувшись в сторону Миссисипи, Лорна увидела белый вертолет, двигавшийся над кронами деревьев в их сторону. Летел он быстро.

Она нахмурилась, и вдруг чья-то рука легла ей на плечо и успокаивающе сжала, когда девушка подпрыгнула от неожиданности. Повернув голову, она увидела своего босса и наставника – доктора Карлтона Метойера, главу ОЦИИВа. За шумом вертолета она не услышала, как он подошел.

Начальник, высокий жилистый чернокожий с копной седых волос и аккуратно подстриженной седой бородкой, был на тридцать лет старше ее. Его семья прожила здесь столько же, сколько и семья Лорны, уходя корнями в креольскую колонию на Тростниковой реке, и выросла на смеси французского и африканского наследия.

Приставив ладонь козырьком ко лбу, доктор Метойер поднял взгляд на приближающийся вертолет:

– У нас гости.

Летающая машина явно имела целью ОЦИИВ – сделала петлю в направлении соседнего поля и стала снижаться. Лорна заметила, что это небольшой вертолет «А-Стар», оснащенный поплавками вместо обычных посадочных салазков. Еще она узнала зеленую полосу на белой кабине. После урагана «Катрина» большинство жителей Нового Орлеана помнили этот опознавательный знак – его носили патрульные пограничные вертолеты, сыгравшие важную роль в спасении жертв стихии и последующем обеспечении безопасности.

– Что они здесь делают? – спросила она.

– Они прилетели за вами, моя дорогая. Вам предстоит прогулка.

Глава 2

Вертолет взмыл вверх, и внутри у Лорны все оборвалось – накатила паника. Она сидела рядом с пилотом, мертвой хваткой вцепившись в ручки кресла. На ней были громадные наушники, и тем не менее усиливающийся рев винтов оглушал. Ощущение было такое, будто поднимаешься в лифте, пристегнутом к ракете.

Она всегда побаивалась высоты, вообще не любила летать, и даже если бы ей предложили прокатиться на газонокосилке с воздушной подушкой, в здравом уме ни за что не согласилась бы. До этого она лишь один раз путешествовала на вертолете – во время аспирантской практики в Южной Африке, когда проводился подсчет слонов в землях, граничащих с заповедником. Тогда она подготовилась к полету, наглотавшись ксанакса, и все равно потом несколько часов не могла унять дрожь в ногах.

А сегодня это случилось неожиданно.

Когда вертолет приземлился, доктор Метойер обрисовал ей ситуацию лишь в самых общих словах, даже не дал времени войти в здание и обследовать емкости с азотом. Персонал уже занимается этим, сказал он и добавил, что сам все проверит чуть позже и сообщит подробности по радио.

Радио? Значит, они летели туда, где не действовала сотовая связь. Вертолет заложил вираж, и ей открылся вид на Миссисипи с высоты птичьего полета. Они продвигались вниз по течению, в основном следуя вдоль Биг-Мадди-ривер – это название в особенности было к месту после урагана¹. Шоколадно-коричневая, заиленная река пенистыми водоворотами несла свои струи к Мексиканскому заливу.

Внизу простиралась дельта, где все эти осадки – ил, глина, почва – откладываются в заливе, образуя более трех миллионов акров прибрежных заболоченных территорий и соленых плавней. Этот район, представляя собой громадную и сложную экосистему, уходившую корнями в юрский период, был важен не только с точки зрения охраны окружающей среды, но имел и коммерческое значение, поскольку обеспечивал Штаты большим процентом даров моря и почти двадцатью процентами нефти.

Кроме того, он являлся слабым звеном в государственной границе. Лабиринт островов, водных рукавов и рыболовных угодий делал дельту удобным местом для контрабандистов и мошенников всех мастей. Департамент внутренней безопасности объявил район зоной повышенного риска и усилил новоорлеанский участок погранслужбы.

Как сказал ее босс, пограничники прочесали местность после вчерашнего шторма и нагонной волны: контрабандисты часто использовали непогоду для перевозок наркотиков, оружия, даже людей. Сегодня рано утром патруль обнаружил траулер, причаленный к одному из внешних островков. Обследовав судно, военные позвонили в ОЦИИВ.

Большая часть проблемы осталась тайной даже для доктора Метойера: его не проинформировали о характере дела или почему понадобилась именно Лорна.

Несмотря на страх перед полетами, в душе начала закипать злость. У нее в ОЦИИВе проект может накрыться, а она тут летит черт знает куда и зачем. Злость росла, подстигаемая тревогой. Что происходит? При чем здесь она? Она не была знакома ни с кем ни в таможне, ни в погранслужбе.

Но ответы ждали ее только в конце полета.

В наушниках раздался треск, и пилот показал в сторону горизонта. Судя по знакам различия на плечах зеленой формы, он принадлежал к Пограничной службе охраны воздушных и морских территорий.

¹ Биг-Мадди-ривер – дословно «большая мутная река».

– Доктор Полк, мы прибываем через несколько минут.

Она кивнула и уставилась вперед. Плотная зелень плавней внизу расступалась, переходя в сплетение островков и мысков. Дальше в заливе, у горизонта, темной линией шли более крупные барьерные острова, которые способствовали защите хрупкой экологии района.

Но их маршрут заканчивался раньше. В одной из бухточек мелькнул сияющий белый катер. Вертолет начал снижаться, и она заметила старый рыболовный траулер, врезавшийся в берег. Половиной корпуса вылетев на сушу, он даже повалил несколько деревьев – наверняка его выбросила штормовая волна.

Машина стремительно шла на посадку, и Лорна изо всех сил вцепилась в подлокотники – ей было известно, что большинство авиакатастроф случаются во время посадки и взлета, но сейчас вовсе не хотелось вспоминать такую статистику.

Когда до воды оставалось несколько ярдов, спуск замедлился, а потом поплавки вертолета мягко коснулись воды – словно гусь уселся на гладь пруда. Пилот щелкнул какими-то переключателями, и рев ротора стал стихать.

– Пожалуйста, оставайтесь на месте. Они высылают за вами «зодиак».

Он кивнул кому-то в окно, и Лорна, повернув голову, увидела небольшую надувную лодку, стрелой летевшую в их сторону от берега. Минуту спустя человек, одетый в такую же, как у пилота, зеленую пограничную форму, помог ей перебраться из вертолета в «зодиак».

Усевшись на скамью лодочки, Лорна испытала настоящее облегчение. Правда, злость ее никуда не делась и ворочалась в животе раскаленным углем. Лодочка направилась к берегу, а Лорна закрыла глаза, пытаясь найти ответ на мучивший ее вопрос: чем объясняется этот таинственный и неожиданный вызов?

Утренний воздух стал теплеть, солнце рассеяло облака, и показалось голубое небо. Впереди ждала обычная для Луизианы парилка, но это Лорну не пугало. Стараясь успокоиться, она сделала несколько глубоких вдохов. В воздухе стоял горьковатый запах прелых листьев, влажного мха, илистой соленой воды.

Для нее это был запах дома. Она корнями выросла в эту землю: ее семья обосновалась в Луизиане в девятнадцатом веке. Имена и судьбы предков были ей известны так хорошо, словно они умерли только вчера. Во время войны 1812 года ее прапрапрадед, которому тогда было всего семнадцать, бежал из английской армии во время битвы за Новый Орлеан и обосновался в этом молодом приграничном городе, который в то время бурно развивался. Здесь он познакомился с дочерью семейства де Трепаньер, женился на ней и быстро сколотил небольшое состояние, выращивая сахарный тростник и индиго на плантации в сто акров, которые его жена получила в приданое. Шли годы, состояние семьи росло, и Полки стали первыми, кто построил дом среди дубравы в лощине новоорлеанского Гарден-Дистрикта, продали плантацию и обосновались в новом жилище. За несколько поколений особняк Полков приобрел репутацию почтенного места, где собирались высокопоставленные военные, юристы и многочисленные представители науки и литературы.

Особняк в американо-викторианском стиле все еще стоял, но семья Полков, как и город, в двадцатом веке начала медленно клониться к закату. Эту фамилию носили теперь только Лорна и ее брат. Отец умер от рака легких, когда Лорна была совсем ребенком, мать упокоилась год назад, оставив двум детям дом, остро нуждающийся в ремонте, и кучу долгов.

Но традиционное уважение к образованию в семье сохранилось. Брат, на год младше Лорны, был инженером-нефтяником и работал в администрации штата. И в настоящее время оба, еще не имея собственных семей, жили в родовом особняке.

Шорох влажного песка под резиновым днищем вернул девушку к действительности. Лодка подошла к одному из множества островков, образующих цепочку вокруг прибрежных

плавней. Он так порос кипарисами, опутанными лохмотьями луизианского мха, что казалось, дальше береговой черты тут и ступить некуда.

Но ей, оказывается, туда и не было нужно.

– Сюда, пожалуйста, – сказал ей человек в форме и хотел помочь выбраться из «зодиака», но она словно не заметила протянутой руки и вышла на берег сама. – РПО ждет вас.

– РПО?

– Руководитель полевых операций.

Лорна мало что понимала в структуре пограничной службы, но похоже, речь шла о самом главном среди здешних чинов. Может, именно он и вызвал ее из ОЦИИВа. Стремясь скорее получить ответы, она поспешила за встречавшим ее пограничником, который направился к выброшенному на берег траулеру. Выросшая вблизи моря, Лорна неплохо разбиралась в судах: траулер был небольшой, сорокафутовый, по правому борту длинные шесты грузовых стрел оказались обломаны, но по левому торчали, указуя в небеса. На них уцелели привязанные сети, полные креветок.

Несколько человек в полевой пограничной форме стояли на берегу рядом с траулером – на одних были ковбойские шляпы, на других бейсбольные кепочки. Зато у всех имелись пистолеты в кобурах, а у одного на плече лежал «ремингтон». Что тут происходит?

При виде Лорны мужчины замолчали, несколько пар глаз бесстрастно оглядели ее снизу доверху. Она попыталась придать лицу строгое выражение, но чувствовала, что щеки пылают от гнева – ей хотелось отхлестать их по физиономиям. Они что здесь, на мальчишник собрались?

Агенты расступились, и Лорна заметила еще одного человека – тоже в темно-зеленых брюках и такой же рубашке, длинные рукава которой были небрежно закатаны до локтей. Он провел пятерней по своим влажным от пота темным волосам, потом снова надвинул на лоб черную бейсболку. Но сначала его сине-серые глаза тоже окинули ее оценивающим взглядом, в котором, в отличие от других, не было и следа сексуального интереса.

И все же она испытала облегчение, когда тень от козырька кепочки упала на его глаза. Он сделал несколько шагов ей навстречу. Свыше шести футов ростом, он имел широкие плечи и развитую мускулатуру, но вовсе не выглядел грузным. Источая уверенность вкупе с грубоватой властью, он держался как прирожденный лидер, умеющий не подавлять других.

– Доктор Полк, спасибо, что вы здесь. – Подойдя к ней, он протянул руку.

Она ответила на рукопожатие, при этом в глаза ей бросился длинный шрам на его предплечье – от локтя до кисти. Подняв глаза, она встретила взгляд мужчины. Его загорелая кожа казалась еще более темной из-за щетины на подбородке и щеках, в речи слышался едва заметный кейджнский² акцент.

Значит, он из местных. Ей даже померещилось в нем что-то мучительно знакомое – и тут ее осенило. И вместо вопроса о том, зачем ее доставили сюда, у нее невольно вырвалось:

– Джек?

Его губы, полноватые, но по-мужски твердые, приняли более жесткое очертание, и он едва заметно кивнул. А она вдруг взглянула на него другими глазами: злость улетучилась, уступив место более холодному и неприятному чувству. В последний раз они виделись более десяти лет назад, когда он учился уже в выпускном классе, а Лорна была на два года младше.

Впрочем, в школе разница в два года – непреодолимый социальный барьер, и она мало его знала. Однако их тесно связывали тяжелые обстоятельства, о которых она бы хотела навсегда забыть.

² Так называют одну из групп потомков французов в Луизиане.

Судя по хмурому выражению на его лице, он, вероятно, желал бы того же. Но сейчас в любом случае выдалось неподходящее время для воспоминаний о старых ранах.

– Доктор Полк, – холодно сказал он, и шепелявящий акцент в его речи усилился. – Я пригласил вас, потому что... потому что не найду никого другого, кто обладает знаниями, способными прояснить суть нашей находки.

Она выпрямилась, чтобы выглядеть не менее солидно, проглотила слюну и направилась к траулеру, что дало ей прекрасный повод отвернуться от собеседника.

– И что же вы нашли?

– Лучше вам посмотреть самой.

Первым подойдя к траулеру, он стал подниматься на палубу по веревочному трапу. Подъем давался ему без усилий, и Лорна поймала себя на том, что как зачарованная смотрит на его сильные ноги и спину. Когда он исчез за фальшбортом, один из его людей закрепил нижний конец трапа, чтобы ей было легче.

Наверху Джек помог ей перебраться через фальшборт. Вход в трюм охраняли двое, один передал Джеку фонарик.

– Сэр, мы установили внизу лампочку, но там все еще темно.

Джек щелкнул кнопкой и жестом пригласил Лорну следовать за ним.

– Осторожнее – на ступеньках кровь.

Луч фонарика высветил темное пятно вдоль одной стороны лестницы – было похоже, будто что-то тащили по ступенькам. Она вдруг почувствовала нежелание идти туда.

– Никаких трупов мы не нашли. – Джек словно прочитал ее мысли. А может, просто сообщал ей подробности дела.

Она последовала за ним – сперва по ступенькам, потом по узкому коридору.

– Они держали их в клетках в главном трюме.

Лорна не стала спрашивать, кого это «их» – уже ощущалась знакомая мускусная вонь псарни. Доносились звуки движения, шуршание, мяуканье, резкий птичий крик.

Становилось ясно, почему ее вызвали.оборот контрабандной торговли экзотическими животными составлял миллиарды долларов, по доходности уступая только торговле наркотиками и оружием. И к несчастью, Штаты были самым большим потребителем этих товаров – на страну приходилось около тридцати процентов мировых продаж.

Только на прошлой неделе она прочла о полицейской операции по ликвидации крупной сети, занятой торговлей редкими видами тигров. В данном случае пара из Миссури привозила тигров не для домашних зоопарков, а для разделки. Снимаемые уже на месте шкуры леопардов, львов или тигров стоили до двадцати тысяч долларов, но на продажу шли и тигриные пенисы, которые измельчали и использовали в качестве афродизиака, кости для лечения артрита. Словно в мясной лавке, ничего не пропадало – желчный пузырь, печень, почки, даже зубы. В конечном счете эти огромные кошки мертвыми приносили гораздо больший доход, чем живыми.

Следуя за Джеком, Лорна чувствовала, как в ней нарастает гнев. По обеим сторонам трюма шли клетки с решетками из нержавеющей стали. Более крупные в дальней части были все еще плохо видны. Она удивлялась размаху контрабанды, зато теперь уже точно знала, почему пригласили ее – ветеринара, специализирующегося на экзотических животных.

Джек повернулся и направил луч фонарика в ближайшую клетку. Она заглянула внутрь... и поняла, что ошибалась во всем.

Глава 3

Не сводя глаз с женщины, Джек Менар наблюдал за ее реакцией. От потрясения и ужаса глаза Лорны расширились, она закрыла ладонью рот, но только на мгновение. Когда схлынул первый приступ шока, на лице ее промелькнуло сочувствие. Глаза ее приняли нормальный вид, губы задумчиво сжались. Она подошла к клетке поближе.

Он присоединился к ней и откашлялся:

– Что это за обезьяны?

– *Cebus apella*. Коричневые капуцины из Южной Америки.

Две обезьянки, помещенные в маленькую клетку, забились в дальний угол и сидели там в собственных нечистотах. Конечности и спины у них были темно-шоколадного цвета, мордочки и груди – более светлые, на голове словно черная шапочка. Крошечные зверьки уместились бы на его ладони.

– Это детеныши? – спросил Джек.

– Не думаю. – Она покачала головой. – Судя по окраске – взрослые. Но вы правы – они очень малы. Пигмейская группа этого вида.

Но Джек знал, что малый рост здесь не самое большое отклонение. Негромким гульканьем Лорна подозвала парочку к решетке – холодный профессионализм, казалось, оставил ее, черты лица смягчились, мышцы расслабились. Пара обезьянок ответила ей. Продолжая держаться вместе, словно привязанные, они осторожно направились к решетке. Впрочем, расцепиться они и не могли.

– Сиамские близнецы, – сказала Лорна.

Обезьянки срослись бедрами, в буквальном смысле сплавленные воедино: на двоих у них имелось три ноги, но с руками все было в порядке.

– Бедняжки, – прошептала она. – Они, похоже, умирают от голода.

Животные приблизились к решетке, явно нуждаясь в утешении не меньше, чем в корме. Громадные глаза отчетливо выделялись на таких маленьких мордочках. Джек чувствовал их голод, страх и еще появившуюся капельку надежды. Вытащив из кармана батончик гранолы, он разорвал зубами упаковку, отломил кусочек и протянул Лорне.

Та осторожно просунула еду через прутья. Одна из обезьянок взяла угощение своими крохотными пальцами, после чего парочка отступила, чтобы разделить добычу. Тесно прижавшись друг к другу, они принялись отщипывать по кусочку с двух сторон, но при этом не сводили глаз с Лорны.

Она посмотрела на Джека, и на мгновение он увидел ту девочку, которую помнил по школьным дням, перед своим поступлением в морскую пехоту. Она встречалась с его младшим братом, Томом, когда тот учился в десятом, а потом еще летом. Он прогнал это воспоминание.

Лорна, вероятно, почувствовала глубину его боли. На ее лицо вернулось строгое выражение, и она кивнула на другие клетки:

– Покажите мне.

Он повел ее вдоль рядов, направляя луч фонарика в темные пространства за решетками. Животные во всех клетках были разные, некоторые распространенные, некоторые экзотические, но, как у обезьянок, у всех имелся какой-нибудь дефект. В большом стеклянном террариуме находился четырнадцатифутовый бирманский питон, свернувшийся вокруг кладки яиц. Поначалу змея казалась вполне нормальной, но когда она шевельнулась, плотнее обвиваясь вокруг кладки, Лорна увидела пару рудиментарных ножек, чешуйчатых и когтистых, – напоминание о ящероидных эволюционных корнях.

– Это похоже на некую острую форму атавизма.

– А как это будет по-английски?

Она ответила с извиняющейся улыбкой:

– Атавизм – это проявление у отдельных особей генетических черт, которые были утрачены предыдущими поколениями.

– Возвращение к прошлому?

– Именно. В данном случае – к тому прошлому, когда у змей еще имелись ноги.

– Похоже, это уж очень давно.

– Чаще всего причиной атавизма становится случайная рекомбинация генов. – Пожав плечами, Лорна двинулась дальше. – Но не думаю, что тут она была случайной. Такого большого числа совпадений не бывает.

– Вы хотите сказать, что кто-то специально сделал их такими. Неужели это возможно?

– Не исключено. Генетика прошла большой путь, и в ней совершаются все новые открытия. Мы в ОЦИИВе успешно клонируем диких кошек, даже выделили из медузы флуоресцирующий протеин, чтобы создать кошку, которая светится в темноте.

– Мистер Зеленые Гены – я читал об этом. По правде говоря, именно потому я и позвонил вам. Мне нужен специалист-генетик. Человек, который сказал бы, откуда мог взяться этот странный груз.

В расположенной далее клетке с сетчатой решеткой содержались летучие мыши – размером с футбольный мяч.

– Мыши-вампиры, – заметила Лорна. – Но они в десять раз больше естественного размера. Возможно, это форма первобытного гигантизма.

В соседней клетке сидела особь с подобным же дефектом: лиса размером с хорошего медвежонка. С шипением и рычанием она бросалась на прутья решетки. Быстро пройдя мимо, они на секунду остановились у высокой клетки, в которой находился попугай – обычных размеров, правда, без перьев.

Он громко кудахтал, уцепившись за прутья и разглядывая людей, голова его при этом ходила вперед-назад. Джек с трудом скрывал отвращение: во внешности попугая было что-то нездешнее и неприятное. Лорна подошла поближе.

– Когда попугайчик вылупляется из яйца, у него нет перьев, только легкий пушок. Не знаю, то ли этот вернулся в детство, то ли это возвращение в прошлое самого вида. Вообще-то теория говорит, что птицы – ближайшие из живых родственников динозавров.

Джек не стал возражать. Это существо – кожистое, клювастое – имело вполне доисторический вид. Но больше всего Джека бесило то, с каким вниманием птица их разглядывала.

Прыгнув на насест, родич динозавров выдал набор звуков, напоминающих испанскую речь. Как видно, обычную для попугаев способность подражать данному экземпляру сохранил. Но потом он стал скрежещущим голосом называть цифры по-английски, выговаривая звуки почти как человек, разве что более резко.

– ...Три, один, четыре, один, пять, девять, два, шесть, пять...

Уже двинувшись дальше, Лорна вдруг резко остановилась и повернулась к клетке, где птица продолжала без остановки выкрикивать цифры.

– Что такое? – спросил Джек.

– Этот попугай... цифры... я не вполне уверена...

– В чем?

– Три-один-четыре-один-пять. Это первые цифры числа «пи».

У Джека еще болтались в голове какие-то остатки школьных знаний по геометрии, и он помнил про число «пи», обозначаемое греческой буквой π . Как там это выглядело: 3,1415...

Попугай продолжал свою нумерологическую тираду.

– «Пи» вычислено до триллионного знака, – с волнением произнесла Лорна. – Мне было бы интересно узнать, в той ли последовательности он повторяет цифры. А если в той, то сколько цифр сумел запомнить.

Крылатый математик продолжал тараторить без остановки, а Джек вдруг обратил внимание, что в трюме, кроме этого, не раздается ни звука. Все животные как один перестали мяукать, рычать, даже шевелиться, словно тоже слушали. Из всех клеток на людей смотрели глаза, отражающие свет.

Тряхнув головой, Джек двинулся дальше. На нем лежал груз ответственности – ему предстояло расследовать преступление.

– Но самое главное, что я вам хотел показать, оно там, дальше.

Он подвел ее к большим клеткам, расположенным в кормовой части судна. В одной из них находилась овца с ягненком, причем шерсть на обоих была не курчавая, а свисала до пола, делая их похожими на яков. Но Джек имел в виду другое.

Однако Лорна остановилась у следующей клетки, где лежало мертвое животное – вытянувшись на усыпанном сеном полу, с широко раскрытыми глазами и выпрямленными ногами. По виду оно напоминало пони, но размерами не больше кокер-спаниеля.

– Посмотрите на его копыта, – сказала Лорна. – Они раздвоенные. Четыре пальца спереди, два сзади. Древнейший предок нынешних лошадей – *hyracotherium* – был размером всего с лису и имел такую же структуру пальцев.

Она присела на корточки, разглядывая мертвое тело. Роговая часть на одном пальце была сорвана, на голове остались довольно свежие следы ударов, словно животное перед смертью в панике билось о прутья.

– Похоже, кто-то напугал его до смерти, – сказала она.

– Я догадываюсь, что его могло напугать. – Джек кивнул в глубину трюма. – Давайте сюда.

– Что они только делают? – с раздражением и злостью спросила она, следуя за ним. – И как, если уж на то пошло?

– Я надеялся, что вы сможете это определить. Но сейчас у нас проблема более серьезная и неотложная.

Они подошли к последней клетке – большой, с толстыми прутьями решетки и по виду пустой, – лишь сено лежало на полу.

– Когда мы сюда вошли, дверь была взломана и открыта.

– Кто-то бежал? – Лорна окинула взглядом проход от пустой клетки к трапу, по которому они спустились, и тут ей отчетливо вспомнился кровавый след.

– Вы должны сказать нам, что это было.

– Каким образом? – Она нахмурилась.

Он показал на грудку сена, в которой что-то зашевелилось и тихонько мяукнуло. Лорна взглянула на Джека, в ее глазах загорелось любопытство. Он открыл дверь, придержал и предупредил:

– Только осторожнее.

Глава 4

Чтобы войти через низкую дверь в клетку, Лорне пришлось пригнуться, но внутри можно было встать в полный рост. Большая часть сена была сдвинута к задней стене клетки. Слегка сутулясь, она внимательно оглядела помещение. Чувствовался аммиачный запах старой мочи. Она сделала шаг, обходя кучу помета – жидкого и бесформенного. Бывший обитатель клетки явно был болен.

Груда сена в углу шевелилась – кто-то в испуге закапывался поглубже и уже уперся в стену. Мяуканье прекратилось.

Лорна подошла, опустилась на колени, осторожно разгребла сено и увидела белоснежный мех с едва заметными серыми пятнами. Длинный хвост свернулся и был поджат в испуганную петлю.

– Котенок леопарда или ягуара, – прошептала она.

– Но белый, – сказал Джек от двери. – Вроде как альбинос.

Она заглянула в полузакрытые голубые глаза котенка.

– Нет, цвет глаз нормальный. Вероятно, это форма наследственного лейцизма. Это нарушение, при котором поражается только кожный покров. Но как бы там ни было, нет сомнений: это пантера.

– Мне слышалось, вы вроде сказали леопард или ягуар.

Она поняла его недоумение: это была типичная ошибка.

– Вообще-то пантера – это не таксономический термин. К роду пантер относятся все большие кошки – тигр, лев, леопард, ягуар. А если мы говорим «белая пантера», то можем иметь в виду любую из этих кошек.

– И кто же этот котенок?

– Судя по форме черепа и этим светлым пятнам, думаю, это ягуар. Но я не уверена.

Лорна понимала, что Джеку нужно больше информации. Он, вероятно, подозревал то, что было ей ясно с первого взгляда, и искал подтверждения своих догадок.

Из гнезда в куче сена на нее косили крохотные глазки, пытаясь удержать в поле зрения. Они, казалось, лишь недавно открылись, а это означало, что котенку от роду недели две, а то и меньше. Короткие круглые ушки и недоразвитые усики, свойственные младенцам семейства кошачьих, подтверждали ее вывод – существо это лишь недавно появилось на свет. Но вот размеры смущали Лорну. Весил зверек от пятнадцати до двадцати фунтов – такую массу животные набирают к седьмой или восьмой неделе.

Даже Джек, вероятно, почувствовал неладное.

– И сколько же ему?

– Неделя или две. – Она оглянулась. – Экстраполируя его размеры на взрослое животное, можно предположить, что оно будет весить от четырех до пяти сотен фунтов, как амурский тигр. Средний ягуар весит в два раза меньше.

– Еще один возврат в генетическое прошлое?

Она вздохнула.

– Чтобы сказать точно, мне нужно провести тесты, но сначала я хочу повнимательнее рассмотреть котенка.

Лорна осторожно вытащила животное из гнезда – детеныш принялся извиваться и верещать, но не слишком сильно, – ощупала кости, ущипнула кожу и отметила, что организм явно обезвожен. Сдерживая злость на тех, кто довел животное до такого состояния, Лорна прижала котенка к себе и как могла попыталась успокоить и утешить малыша – явно мальчика, судя по гениталиям. В надежных руках его страх скоро пройдет.

– Ш-ш-ш, маленький, все хорошо, все хорошо.

Одной рукой она гладила его голову, а пальцем другой мягко и ритмично почесывала подбородок. Через минуту котенок прижался к ней и испустил голодный писк. Лорна позволила ему присосаться к ее пальцу. Определенно новорожденный.

Котенок пытался высосать молоко из ее пальца, а она вдруг нащупала у него во рту то, чего там не должно было быть. В таком возрасте у котят нет зубов – только десны, чтобы обжимать материнский сосок. Но во рту малыша она обнаружила четыре зуба – клыки. Маленькие и незрелые, они тем не менее были острыми и выступали больше сверху, чем снизу.

Но их там вообще не должно быть – в таком-то возрасте! Такое раннее появление зубов наводило на мысль об эволюционной доминантности этого признака и свидетельствовало о важной генетической экспрессии. По мере того как Лорна осознавала, каковы могут быть последствия этого, ее спина покрывалась холодным потом. Окинув взглядом другие клетки, она уставилась на мертвого пони. Неудивительно, что он умер от страха.

Не выпуская из рук котенка, Лорна повернулась к Джеку.

– У нас проблема посерьезнее.

– Какая?

Если учесть раннее наличие молочных клыков и представить, как будут выглядеть зубы взрослого животного... Верхние клыки вырастут, выдаваясь за нижнюю челюсть, а значит...

– Этот котенок – нечто большее, чем крупный ягуар, – сказала Лорна.

– И что же?

Она встала, не выпуская малыша, и пошла следом за Джеком.

– Это детеныш саблезубого тигра.

Глава 5

Вернувшись к дневному свету, Джек и Лорна, все еще держащая на руках новорожденного представителя семейства кошачьих, остановились на палубе траулера. Если она права в своих выводах, им следует искать крупную кошку, бледную, как призрак, и, возможно, с клыками длиной десять – двенадцать дюймов. Лорна принялась объяснять, что такие клыки были не только у печально известного саблезубого тигра, но и у многих других доисторических кошек, даже у некоторых сумчатых.

Но чтобы саблезубый ягуар?

Это казалось невероятным, и все же Джек не сомневался в ее правоте. Она прочла чуть не целую лекцию об атавизме и генетических отклонениях и довольно убедительно все обосновала. К тому же трюм был битком набит необычными животными.

Он скользил взглядом по берегу, где простиралась плотная масса пойменных лесов, плавней и низин – миллионы акров дельты реки Миссисипи. Это был и его дом. Джек вырос на одном из рукавов этой реки, где слова «семья» и «клан» значат гораздо больше, чем слово «закон». Его родственники зарабатывали на жизнь ловлей креветок и рыбы, а также некоторыми не столь легальными способами. Он знал, как просто укрыться здесь, в плавнях, и как трудно найти кого-то, желающего оставаться незамеченным.

Лорна подошла к нему. Она только что переговорила по рации с людьми из Бюро по охране дикой природы.

– Они выслали катер. Там будут переносные клетки и транквилизаторы. А еще я пообщалась с доктором Метойером из ОЦИИВа. Они оборудуют карантинное помещение для животных.

Джек кивнул. Уже было решено использовать изолированно расположенный ОЦИИВ в качестве базы для операции. Один из его людей нашел в капитанской каюте стальной сундук, содержащий лэптоп и магнитные ленты. Эксперт – специалист по компьютерам – уже выехал из Нового Орлеана, чтобы заняться изучением найденного: они надеялись обнаружить в компьютере не только порнофильмы, которыми капитан пробавлялся на досуге.

Но прежде чем оставить траулер, Джек хотел получить еще кое-какие ответы... в особенности на самый насущный вопрос.

– Вы не можете предположить, куда отправилась эта ягуариха? Она не могла утонуть во время шторма?

– Сомневаюсь. Большие кошки не боятся воды. Ягуары прекрасные пловцы. И потом, здесь ведь мелководье, и она легко могла плыть с островка на островок, устраивая себе передышки.

– Она, по-вашему, направилась к берегу?

– Обычно охотничьи угодья ягуара составляют около сотни квадратных миль. Эти островки слишком малы. Она бы на них не осталась.

– А как же котенок? – Джек кивнул на животное в руках у Лорны. – Разве мать так легко бросает детенышей?

– Обычно нет. Ягуары пекутся о потомстве – кормят их до полугода, а до двух лет молодой ягуар остается при матери. Но ягуары, помимо всего прочего, практичны. Этот малыш хиловат. Обычно в помете два-три котенка. Я подозреваю, что в клетке был еще один. Мать взяла более сильного, а слабого бросила – здоровый инстинкт продолжения рода.

– Значит, с ней есть котенок. И это должно замедлить ее передвижение.

– А еще сделать ее более опасной. Она будет изо всех сил защищать своего малыша.

Лоб Лорны собрался в морщины при мысли о новой заботе.

– И тут возникает другой вопрос. – Она указала на следы крови. – Где трупы? Где экипаж судна?

– Ни на траулере, ни на острове их нет. Мы все обыскали. Может быть, тела смыло за борт.

– Или их утащили.

– Утащили? Вы имеете в виду эту кошку?

– Судя по крови на лестнице, это тело не смыло волной. Вероятно, ягуариха волокла его наверх из трюма.

– Но зачем?

– Хороший вопрос. Кошки часто прячут добычу, даже затаскивают ее на дерево... но если это невозможно, они обычно бросают – пусть разлагается и достается падальщикам. Поведение же кошки в данном случае... не типично. Если я не ошибаюсь, это свидетельствует о беспрецедентной хитрости: она словно пытается замести следы.

Встретившись с Лорной взглядом, Джек увидел в ее глазах беспокойство.

– Может, вы придаете этому слишком большое значение, – сказал он. – Тропический шторм вчера вечером достиг силы урагана. Может быть, приливные волны смыли с палубы в залив и кошку, и тела.

– Ну, есть способ выяснить это.

– Какой?

От «зодиака» Лорна направилась по песчаному бережку в глубь соседнего острова. Туфли она оставила в лодке и джинсы закатала до колен.

Джек шел рядом, не сводя глаз с песчаной горки и стоящих зеленой стеной кипарисов впереди. Он тоже был босиком, но ботинки, связанные шнурками, висели у него на плече – вдруг придется углубиться в чащу в центре острова. Еще при нем имелся карабин М-4. Если кошка не погибла во время шторма, то она уже, скорее всего, добралась до берега, но он не хотел рисковать.

По предложению Лорны они перебрались на надувной лодке к ближайшему от траулера острову.

– Ягуариха, если она направилась на материк, наверняка побывала здесь, – говорила Лорна, поднимаясь по берегу. – Мы должны посмотреть, не оставила ли она каких следов. Нужно поискать выше полосы прилива. И еще обращайте внимание на помет, мочу, ободранную кору.

– Я знаю охотничьи приемы. Но что, если она проплыла мимо этого острова?

– Тогда мы обследуем следующий. Она не могла проплыть много без отдыха. Адреналин в конечном счете иссякает, и требуется восстановить силы. Ей где-то нужно было перевести дыхание.

Держась верхней отметки приливной волны, они стали огибать остров. Дневная жара накрыла их своим душным одеялом – от вчерашнего шторма остались лишь несколько облачков, пот ручьями тек у Джека по спине, собирался у пояса.

– Сюда. – Вдруг Лорна нарушила молчание.

Стоявший в стороне от воды большой кипарис отбрасывал тень на берег. Луизианский мох занавесом повис на ветвях, но часть его была оторвана, словно что-то крупное продиралось сквозь эту паутину.

– Осторожнее! – предупредил Джек, ухватив Лорну за руку, и отодвинул спутницу назад, снимая с плеча карабин. – Дайте-ка я сначала проверю.

Держа карабин на изготовку, он направился к дереву, дулом раздвинул мшистую сеть, осмотрел ствол внизу, потом сучки повыше. Похоже, все было чисто.

– Осмотрите песок у ствола, – посоветовала через его плечо Лорна, и не подумавшая отойти назад.

Песок был примят, и на нем отпечатался глубоко вдавленный след лапы. Они вдвоем вошли под сень деревьев. Джек внимательно смотрел вокруг – нет ли где движения. Опасность обострила все чувства, и он сильнее обычного ощущал близость плеча Лорны, запах ее волос и кожи.

– Эта животиная такая огромная, – сказала Лорна, опускаясь на колено. – Судя по размеру лапы, я недооценила ее вес.

Она наложила ладонь с расставленными пальцами на отпечаток – тот был раза в два больше.

– Значит, она таки осталась в живых, – заметил спутник Лорны.

– И направилась к материку.

Джек встал, сжимая карабин.

– Даже после шторма в дельте будет полно рыбаков, кемперов, хайкеров. Нам придется эвакуировать население из этой зоны и организовать поисковую партию, пока еще светло.

– Отыскать кошку днем – задача нелегкая. – Лорна тоже поднялась на ноги. – Она найдет какую-нибудь нору и будет отсыпаться. Наилучшие шансы как раз в сумерках, когда ягуары обычно выходят на охоту.

Он кивнул.

– Все равно раньше собрать команду не удастся – следопытов, охотников, людей, которые знают район дельты. Я вызову своих ребят из ГСН. Группа специального назначения, – пояснил Джек в ответ на нее непонимающий взгляд и кивнул на белый патрульный катер, стоящий на якоре у соседнего островка. – Пограничный спецназ.

– Иными словами, вы говорите о командос пограничников?

– Они хорошие ребята, – отозвался он немного обиженно, лишь потом поняв, что она подшучивала над ним, и в смущении отвернулся.

На соседнем островке закипела бурная деятельность. Катер Бюро по охране дикой природы – катамаран на подводных крыльях – уже прибыл и встал на якорь у берега, инспектора и пограничники не покладая рук вытаскивали груз из трюма траулера.

– Вернемся туда, – предложила Лорна.

Судя по беспокойству в голосе, она считала нужным лично наблюдать за происходящим. Котенок ягуара оставался в лодке – свернулся в пустом коробе из-под рыболовных снастей.

Они шли к «зодиак», когда рыболовный траулер вдруг взорвался.

Глава 6

Стоя по колено в воде, Лорна в ужасе смотрела, как корпус траулера разлетается в фонтане огня и дыма. Деревянные рыболовные стрелы взмыли в небо, таща за собой горящие сети.

Вместе с телами.

Она закрыла рот рукой. Сколько же человек было на траулере? Горящие доски и обломки падали на два стоящих на якоре пограничных катера. Над водой раздавались крики и стоны. Высоко в синее небо устремился столб дыма.

Схватив за руку, Джек потащил ее к лодке. Они прыгнули внутрь и отвалили от берега. Джек дернул за шпагат стартера, и секунду спустя они уже летели по воде. Он поднес рацию к уху, но Лорне удалось расслышать только часть его переговоров. На острове все еще царило смятение, но в его голосе звучали властные нотки.

– Вызвать этот вертолет. Пусть предупредят медиков, что у нас раненые.

На некотором расстоянии от них на берегу чадил разрушенный корпус траулера. Два катера ходили кругами в близлежащих водах, ведя поиск среди обломков и горящих нефтяных пятен. Оставшиеся в живых вытаскивали тела погибших.

Открыв до упора дроссельную заслонку, Джек гнал лодку к берегу. Лорна указала на фигуру в волне прибоя – это был один из пограничников. С трудом поднявшись на ноги, он прижимал к боку руку, по лицу стекала кровь из раны на голове. Он казался оглушенным, ошарашенным.

– Джек! Туда!

Он мгновенно отреагировал и направил лодку в ту сторону; сбросив скорость, они подобрали раненого. Это оказался тот самый пограничник, что немного ранее давал Джеку фонарик. Сквозь порванную ткань рукава торчала белая кость – открытый перелом руки. Лорна поднесла к его лбу какую-то ветошь, собираясь вытереть кровь.

– Где Томпкинс? – спросил пограничник. Глаза его затуманились. – Он... он был на верхней палубе.

Они принялись искать в воде. Раненый попытался было встать в лодке, но Джек прикрикнул на него, заставив снова сесть.

Лорна отметила, что Джек в последний раз бросил взгляд в сторону берега и отвернулся. Только теперь она увидела тело, лежащее у линии деревьев. От его разодранной одежды поднимался дым, на песке образовалось темное пятно. У тела не было руки и половины черепа. Отворачиваясь, Джек поймал ее взгляд, и по выражению его лица она все поняла. Это и был Томпкинс.

От бессмысленной жестокости всего происходящего на глазах Лорны выступили слезы.

– Что случилось? – прошептала она самой себе.

Но Джек, видимо, слышал ее слова. Заглушив мотор, он направил лодку к патрульному катеру; двигаясь по инерции, та ударила о борт и остановилась.

– Кнопка с того света, – загадочно ответил Джек.

Его люди тем временем спустились, чтобы помочь раненому подняться. Один из пограничников уселся на место Джека у руля лодки, намереваясь продолжить поиски уцелевших. Джек был нужен наверху, чтобы руководить. Лорна последовала за ним по трапу.

Палуба превратилась во временный госпиталь. Здоровые ухаживали за ранеными: некоторые из них сидели, другие лежали на спине. Одно тело было накрыто брезентом. Не дожидаясь указаний, Лорна направилась к аптечке, стоявшей на палубе, и принялась в меру

своих сил оказывать помощь раненым, переходя от одного к другому. Вскоре прилетели вертолеты береговой охраны и воздушной скорой помощи и начали забирать самых тяжелых.

Постепенно стали ясны размеры потерь. Трое погибших – ужасно, но могло быть и хуже.

Катер пограничников двинулся вверх по Миссисипи, следом за ним – катамаран Бюро по охране дикой природы. Прибывшее судно береговой охраны осталось у острова, чтобы воспрепятствовать высадке посторонних, пока не появятся судебные эксперты.

Лорна стояла у перил на носу, подставив свежему ветру потный лоб, но напряжение и шок это снять не могло. В этом хаосе ее спасла только работа: сосредоточившись на необходимости оказать пострадавшим профессиональную помощь, она занималась этими ранами, сотрясениями, сломанными костями, и это помогло ей пережить события сегодняшнего утра. Состояние остальных пациентов теперь было стабильным, и за ними присматривал врач береговой охраны.

И теперь, когда в ее услугах больше не было нужды, вес случившейся трагедии тяжело давил на нее. Что, если бы взрыв произошел в то время, когда они с Джеком находились в трюме? От этой мысли ее продрал мороз, и она зябко обхватила себя за плечи. Что, если бы они не решили плыть на тот остров?

Она вдруг почувствовала, что за спиной кто-то появился, и оглянулась. В нескольких шагах от нее стоял Джек, словно не решаясь побеспокоить. Лорна оценила его вежливость, хотя была слегка ею раздосадована: неужели он считает ее изнеженной барышней? Она кивнула, давая ему понять, что не против его присутствия: ей требовались ответы, без которых она не смогла бы спокойно уснуть, и она надеялась получить их от Джека. Он подошел и встал рядом у перил.

– Извините, что втянул вас в эту историю. Если бы я только знал...

– Как вы могли знать? – Она снова повернулась и стала вглядываться в береговую линию.

Наступила долгая пауза – каждый подыскивал наиболее устойчивое положение для ног, но так, чтобы не помешать другому.

– И что, по-вашему, произошло? – спросила Лорна наконец. – Насчет этого взрыва – у вас же была какая-то версия. Что-то насчет кнопки с того света.

Он кашлянул и издал некий неопределенный звук.

– Нужен взрывотехник, чтобы все проверить. Но пока вы работали с ранеными, я обследовал обломки. Похоже, взорвался топливный бак. Может, сработало какое-то устройство, установленное на случай провала.

– Это и есть кнопка с того света?

Он кивнул.

Не только они знали об этом судне. Кто-то ведь отправил груз, и у него был пункт назначения. После шторма, когда вторая сторона не получила никаких извещений, они, вероятно, по радио привели в действие взрыватель, чтобы уничтожить все содержимое трюма. И замести следы.

Она вспомнила еще об одной вещи, за которую чувствовала ответственность.

– Животные – сколько удалось спасти?

– К несчастью, до взрыва ребята успели вынести всего ничего. Попугая, пару обезьянок, ягненка. Спасли кладку яиц питона. Но сама змея и все остальные погибли.

– Еще у нас остался котенок ягуара.

– Да. Я про него забыл. Несмотря на все, у нас на попечении есть еще один выживший.

– И мать детеныша.

– Да, она где-то тут. Как только доберемся до Нового Орлеана, я организую поисковую партию.

– А я тем временем начну генетические исследования, чтобы понять, что же случилось с этими животными, и попытаться установить, у кого могли быть ресурсы, позволяющие сделать это.

– Отлично. Я позвоню завтра – узнать, что вам удалось выяснить.

Он хотел отвернуться, но она ухватила его за руку.

– Постойте, Джек. Я в ОЦИИВе смогу получить результат к вечеру.

Наморщив лоб, он пытался сообразить, что стоит за ее словами.

– Сегодня вечером я буду с вами, – пояснила она.

Но его лицо не прояснилось – напротив, морщины стали еще глубже.

– Когда вы отправитесь на поиски этой кошки, я пойду с вами, – раздраженно вздохнув, пояснила Лорна.

– Нет, – с непреклонным видом отрезал он. – В этом нет необходимости, и это слишком опасно.

Лорну обуяла злость – столько смертей не оставили ее равнодушной, и теперь эмоциональный накал придавал ей сил.

– Слушайте, Джек, я уже охотилась на крупную дичь. Я хороший снайпер – приходилось стрелять из ружья-транквилизатора.

– Я тоже хороший снайпер... и я говорю не о ружье-транквилизаторе. И потом я знаю эти места лучше вас.

– А я знаю крупных кошек лучше, чем вы.

– Лорна...

– Послушайте, Джек, ну что вы упрямитесь? Будь я мужчиной, у нас бы этого разговора и не возникло. Вы мне сказали, что собираете партию специалистов – следопытов, охотников, людей из вашей группы специального реагирования. Я тоже специалист и предлагаю вам свою профессиональную помощь.

Он пытался возражать, но она отказывалась уступить – и не только из принципа.

– Южнее линии Мейсона – Диксона нет никого, кто лучше меня знал бы особенности поведения кошачьих. – Она в упор посмотрела ему в глаза. – Мои знания, возможно, спасут чью-то жизнь. Или вам ваша мужская гордыня важнее человеческой жизни?

Она знала, что последние слова несправедливы, но злость в ней взяла верх над прочими чувствами. Извиниться за свои слова Лорна не успела – Джек отвернулся.

– Будьте готовы к наступлению темноты, – сказал он и пошел прочь.

Глава 7

Несколько часов спустя Лорна находилась в изоляторе ветеринарной клиники ОЦИ-ИВа. Прутья клеток из нержавеющей стали вдоль одной из стен отражали сияние светильников наверху. Это помещение было выделено для содержания животных, спасенных с траулера. Их осталось только пять – если не считать кладки змеиных яиц.

Одетая в медицинский халат, она держала в одной руке котенка ягуара, а в другой – бутылку. С закрытыми глазами детеныш тянул молоко, покусывая резиновую соску. Стоило ей немного отодвинуть руку, как раздавалось низкое рычание. Голодный мальчишка выдувал уже третью порцию молока за шесть часов.

Большую часть этого времени она провела здесь – и не без удовольствия. После зрелища смертей находиться среди животных было для нее как бальзам на душу – она устраивала их, обследовала, кормила. Как и всегда, заботясь о своих пациентах, Лорна успокаивалась душой и обретала утешение.

Как ученый, она понимала причины этого. Существовали тысячи исследований, посвященных связи между человеком и животным. Если погладить кота, понизится кровяное давление. Появление собаки придает сил прикованному к постели пациенту. Никто не мог объяснить эту связь, но она была реальна и осязательна.

Что же касается Лорны, то с ней в этом смысле дела обстояли еще сложнее. В окружении животных она в наибольшей мере становилась собой, даже ее чувства, казалось, обострялись, и она живо ощущала все: молочный запах щенячьего дыхания, шершавый язык кошки на тыльной стороне ладони, ворчание испуганной собаки, которое она, глядя псину, скорее ощущала рукой, чем слышала. Она с самого детства была такой и уже в третьем классе знала, что хочет быть ветеринаром. И если коллеги со временем начинали тяготиться работой, то ее связи с животным миром только укреплялись.

Продолжая кормить котенка, Лорна подошла к ряду клеток. Близнецы обезьянки находились в средней. Обняв друг дружку, они спали в удобном и теплом тряпичном гнездышке. На обезьяньих ручках виднелись маленькие белые повязки – у них брали кровь на анализ и вводили внутривенно состав, чтобы восстановить водный баланс этой парочки. На блюдечке в углу лежала обезьянья еда – свежие ломтики бананов.

На планшетке под клеткой висела история болезни. Химия крови и клинический анализ не показали никаких особых отклонений, только легкую анемию и повышенный уровень печеночных энзимов, скорее всего, по причине плохого питания. Обезьянки, хотя и были напуганы новой обстановкой, после проведения обследования хорошо поели.

Кто-то даже успел вписать на планшетку имена пациентов: Хьюи и Дьюи³.

Лорна улыбнулась: не одной работой жив человек. Она тоже дала имя котенку, которого сейчас покачивала на руках, как младенца: Багира, в честь персонажа «Маугли»⁴.

Впрочем, имена – это, конечно, важно, но еще важнее разгадать тайну этих животных. Кто-то потратил немало сил и средств, чтобы сформировать такой груз, и не остановился даже перед убийством, чтобы замести следы. Но зачем и с какой целью это все было сделано, а самое главное – кем?

Лорна чувствовала, что ответы могут дать сами животные. Сразу же по прибытии все они были подвергнуты тщательному обследованию, включая и полную магнитно-резо-

³ Имена двух из трех диснеевских персонажей: братьев утят Хьюи, Дьюи и Луи (в русских переводах можно встретить Билли, Вилли и Дилли).

⁴ Пантера Багира в оригинальной книге Киплинга (в отличие от традиционного русского перевода) – персонаж мужского рода.

нансную томографию. Данные МРТ еще обрабатывались новой компьютерной программой, которая позволяла получить трехмерное изображение внутренних органов, ей не терпелось увидеть результаты. Какие еще генетические отклонения обнаружатся?

В задней части бокса, в устланном сеном загончике, находилась овечка – маленькая девочка. Она лежала и без матери казалась такой одинокой. Пить молоко из бутылки та пока отказывалась и лишь проводила взволнованную Лорну взглядом больших карих глаз.

Лорна задумалась, как бы накормить овечку, но тут ее отвлек громкий рассерженный голос последнего оставшегося в живых пассажира траулера. Орнитолог ОЦИИВа определил, что это самец африканского серого попугая – вида, обитающего в дождевых лесах Западной и Центральной Африки. Хотя, поскольку на птице не было оперения, орнитолог не мог поручиться за свои выводы, которые основывались на характерных белых радужках птицы. В сочетании с черными зрачками и серо-зеленой кожей цветовая гамма глаз была очень выразительна.

Попугай явно жаждал выбраться из клетки, и один раз ему это уже удалось. Вскоре после прибытия он с помощью клюва и когтей сдвинул защелку и распахнул дверь, так что птицу обнаружили сверху на ряду клеток – едва кто-нибудь пытался к нему приблизиться, попугай начинал истошно верещать. Пришлось воспользоваться сетью, чтобы поймать его и водворить назад в клетку, дверь которой теперь была надежно заперта на замок.

– Извини, Чарли, – сказала Лорна, подходя к попугаю.

Тот прыгнул на передние прутья и принялся стрелять глазами – черные зрачки то расширялись, то сужались от злости.

– Игорь! – прокричала птица каким-то неестественно человеческим голосом. – Игорь... хороший, Игорь... Игорь, Игорь, Игорь...

Лорна поняла, что птица пытается ей сообщить, и улыбнулась.

– Значит, дружок, тебя зовут Игорь, – сказала она, подчеркивая имя попугая.

Птица прекратила свои упражнения, закинула голову назад, потом подалась вперед, недоуменно разглядывая Лорну, – попугай словно решал, стоит ли поделиться с ней некой тайной.

Это имя удивительно подходило ему: Игорем звали обезображенного помощника доктора Франкенштейна. У кого-то там было мрачное чувство юмора.

Попугай наклонил голову и уставился на Лорну одним глазом.

– Хочу уйти. Уйти прочь. Прошу прощения.

От этих слов у нее мурашки побежали по коже. Она знала, что соотношением массы мозга к массе тела попугаеобразные не уступают шимпанзе. Попугаи были умнейшими из всех птиц и, как утверждали некоторые исследования, обладали познавательной способностью уровня пятилетнего ребенка.

Нервные речи Игоря напомнили ей Алекса – серого африканского попугая, принадлежавшего доктору Айрин Пепперберг, профессору психологии университета Брандис. Алекс освоил словарь в сто пятьдесят слов и демонстрировал удивительную способность к решению разных задач. Он мог отвечать на вопросы, считать, даже понимал концепцию нуля. Более того, птица вполне определенно выражала свои чувства. Когда Алекса привезли в ветеринарную больницу на операцию, он умолял хозяйку: «Иди сюда. Я тебя люблю. Извини. Я хочу домой». Слова Игоря здесь, в изоляторе, странным образом были созвучны с речами Алекса.

Лорну обуюло любопытство. Она положила котенка ягуара в его клетку – тот уже допил молоко и теперь, удовлетворенный, начал засыпать.

Игорь внимательно следил за тем, как она укладывала Багиру на сложенные в несколько слоев шерстяные одеяла. Устроив детеныша, она вернулась к попугаю и наклонилась к клетке.

– Привет, Игорь, – тихонько сказала она.

– Привет, – ответил он и принялся двигаться вниз и вверх по прутьям – все еще нервничал в новой обстановке.

Лорна попыталась придумать способ его успокоить, потом вспомнила трюм траулера, и внезапно ее осенило. Она вытащила из кармана КПК, вызвала калькулятор, нажала иконку со знакомой греческой буквой. Получив результат, Лорна спросила:

– Игорь, чему равно число «пи»?

Попугай замер на дверце клетки, потом прыгнул на насест. Осмотрел женщину одним глазом, потом другим.

– Ну, Игорь, так чему равно число «пи»?

Он снова вскрикнул, два-три раза кивнул, а потом начал знакомый речитатив:

– Три один четыре один пять девять два шесть пять...

Каждую новую цифру он сопровождал ритмичным кивком.

Лорна смотрела на дисплей своего компьютера: попугай безошибочно повторял математическую константу «пи». Его нервная дрожь стала уменьшаться, и теперь он уже произносил цифры, не помещавшиеся на экране наладонника. Ссутулившись на насесте, присев на лапы, попугай выглядел почти спокойным – математические занятия явно приносили ему умиротворение, как некоторым вязание или разгадывание кроссвордов.

Игорь все говорил и говорил, чуть ли не впадая в какой-то гипнотический ритм. Лорна сбилась со счета – сколько он там цифр уже произнес. Явно больше сотни.

Она не знала – может быть, продолжающееся цифроизвержение уже не имеет никакого отношения к «пи», но при первом удобном случае собиралась повторить опыт. Несколько минут в оглушающей тишине раздавался только голос попугая, и Лорна уже понимала, что ей понадобятся несколько страниц этой математической константы, чтобы проверить память птицы.

Сколько цифр он запомнил? И кто его этому научил?

Ее мысли прервал мягкий хлопок двойного уплотнения – распахнулась дверь, и Игорь немедленно замолчал. Лорна повернулась и увидела входящего в изолятор доктора Карлтона Метойера.

– Карлтон, – сказала она, удивленная неожиданным визитом директора. – Что вы здесь делаете?

– Вижу, вы уже закончили кормить Багиру. – Он улыбнулся ей теплой отцовской улыбкой, делая упор на новом имени котенка.

В глазах его бегали веселые искорки, а Лорна в душе застонала. Она сообщила имя детеныша только своему помощнику, но по ОЦИИВу слухи, как и всегда, распространялись очень быстро.

– Да, живот у него теперь полный. – Она кивнула, чувствуя, как кровь бросилась в лицо. Она ведь научный сотрудник со степенью, а не сопливая девчонка с котенком! – По крайней мере на ближайшие два-три часа. Потом он снова примется просить свою бутылочку.

– За это время в лаборатории успеют сделать генетический анализ.

– А что они уже успели?

Лорна с нетерпением ждала новостей. Привезя истощенных животных в ОЦИИВ, она все время потратила на то, чтобы стабилизировать их состояние, помочь в отборе крови и тканей для исследования. Она провела первичный осмотр, а образцы ДНК тем временем находились в главной генетической лаборатории, где всевластным хозяином был доктор Метойер, которому работы в области клонирования и межвидового эмбрионального скрещивания принесли всемирную известность.

– Мы только-только начали, – ответил Карлтон. – Но первоначальный хромосомный анализ уже выявил любопытное отклонение. Сейчас мы проводим повторный тест, но я решил зайти за вами сюда. Вы должны это увидеть своими глазами.

Знаком пригласив ее за собой, он направился к двери. Карлтона явно что-то привело в восторг, и его возбуждение передалось ей. Снедаемая любопытством, Лорна поспешила за начальником, но, открыв дверь, оглянулась и увидела, что Игорь, снова вцепившись в решетку двери, внимательно смотрит на нее. И опять дрожит.

– Хочу домой, – долетел до нее еле слышный шепот.

Глава 8

Лорне ужасно не хотелось закрывать дверь и оставлять Игоря одного. Она почувствовала укол жалости, но впереди ее ждала более влекущая тайна.

Пока она медлила на пороге, ее босс широкими, уверенными шагами уже прошел полпути по коридору. На ходу он что-то говорил, но она услышала только конец фразы.

– ...и мы уже начали ПЦР для амплификации ДНК ключевых хромосом. Но на ее секвестирование уйдет, конечно, большая часть вечера.

Лорна ускорила шаг, чтобы его догнать. Вместе они миновали следующий коридор и вскоре оказались у двойных дверей, ведущих в комплекс генетических лабораторий, которые размещались в этом крыле здания.

Главная лаборатория была длинной и узкой, по обеим стенам стояли биозащитные колпаки и рабочие станции. Полки и столы занимало новейшее оборудование для генетических исследований: центрифуги, микроскопы, инкубаторы, установки для электрофореза, системы цифровых камер для визуального воспроизведения ДНК и подставки для пипеток, пробирок, весов, сосудов с ферментами для ПЦР-тестов.

Карлтон подошел к двум сотрудникам – мужчине и женщине, – прикинув к монитору компьютера. Одетые в белые лабораторные халаты, эти двое почти слились друг с другом, напомнив Лорне о сросшихся бедрами обезьянках – Хьюи и Дьюи.

– Это удивительно, – когда она приблизилась, заявил доктор Пол Трент и кинул взгляд через плечо. Он был молод, сухощав и зачесывал за уши свои кудрявые светлые волосы – не ведущий нейробиолог, а типичный калифорнийский серфер.

Рядом с Полом стояла его жена, испанка по имени Зоуи. Ее черные волосы, подстриженные короче, чем у мужа, обрамляли широкоскулое, чуть веснушчатое лицо, а халат исследователя почти не скрывал округлые формы дородного тела.

Эти двое были биологами из Стэнфорда, феноменами в своей области: они получили ученые степени, едва закончив университет, и уже успели завоевать себе репутацию в научном мире. Они приехали в Новый Орлеан по двухгодичному гранту для исследования невральное развитие у клонированных животных, изучения структурных различий между мозгом клонированной особи и особи-донора. И здесь они определенно оказались там, где им было самое место.

ОЦИИВ являлся одним из ведущих американских институтов, занятых проблемами клонирования. В 2003 году здесь впервые клонировали дикого африканского кота, которого назвали по очевидным причинам Дитто⁵. А в следующем году институт собирался начать коммерческое клонирование домашних животных – таким образом предполагалось заработать денег, нужных для спасения исчезающих видов.

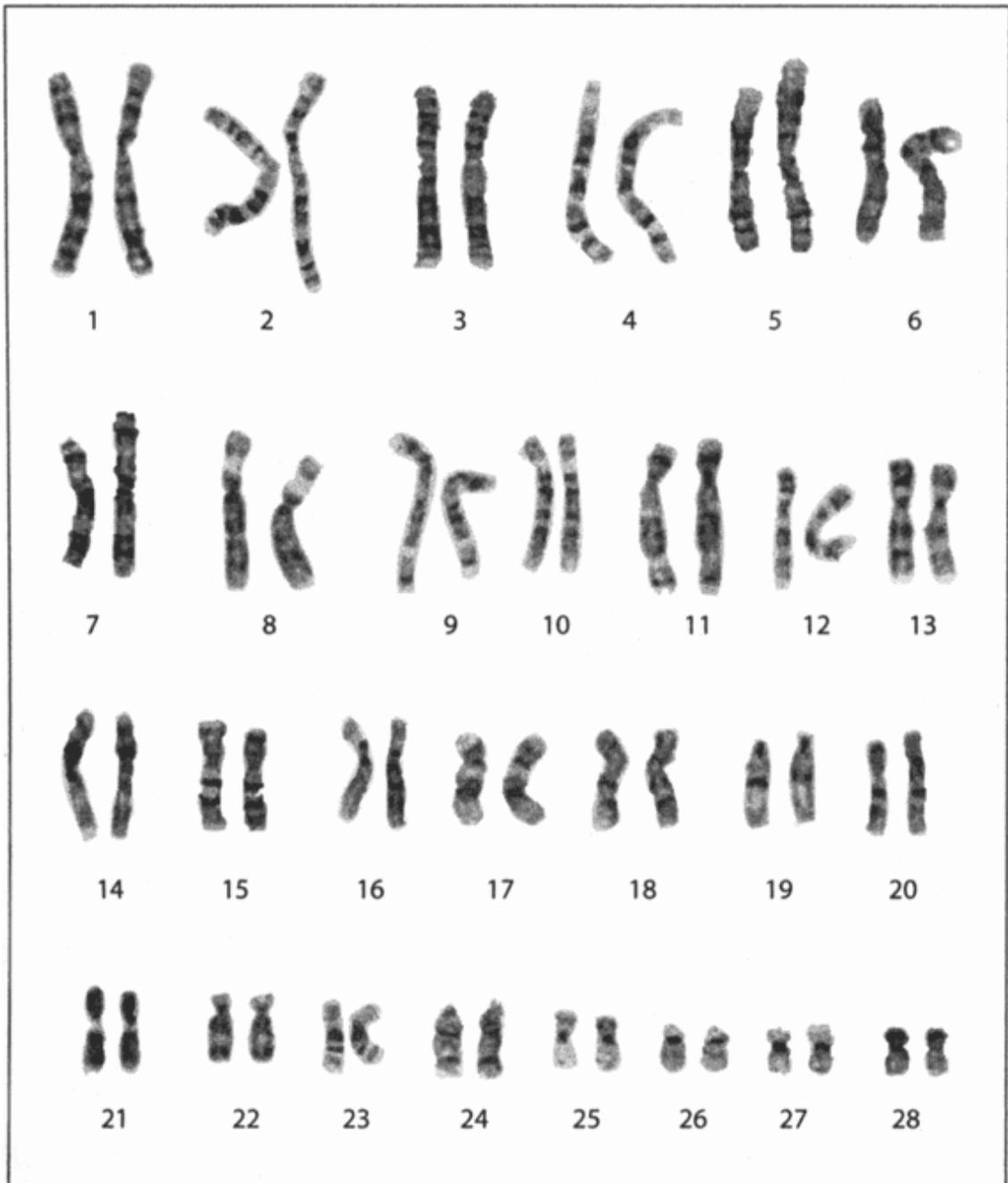
Зоуи отошла от монитора.

– Лорна, ты должна сама на это посмотреть.

Лорна приблизилась к экрану и увидела кариотип⁶ – ряд пронумерованных хромосом, выстроенных в последовательность.

⁵ Ditto – то же, так же (*лат.*).

⁶ Совокупность признаков (число, размеры, форма и т. п.) полного набора хромосом, присущих клеткам данного биологического вида.

Кариотипы определялись с помощью химических препаратов, которые позволяли зафиксировать клеточное деление на стадии метафазы. После этого хромосомы выделялись, высушивались и выстраивались в пронумерованную последовательность посредством цифрового моделирования. У человека имеется сорок шесть хромосом, разделенных на двадцать три пары. На мониторе было двадцать восемь пар.

Явно не человеческий вариант.

– Мы выделили этот кариотип из лейкоцитов крови одной из обезьянок-капуцинов, – объяснил Карлтон.

Видя их возбуждение, Лорна понимала, что у коллег припасено кое-что еще.

– У капуцинов обычно набор из двадцати семи хромосомных пар, – с неподдельным удивлением заметил Пол.

– Но здесь их двадцать восемь. – Лорна еще раз взглянула на кариотип на экране.

– Вот именно! – подтвердила Зоуи.

– Карлтон, вы сказали, что хотите повторить тест. – Лорна повернулась к директору. – Это наверняка лабораторная ошибка.

– Сейчас как раз и проводится новый тест, но я подозреваю, что он подтвердит уже полученные результаты. – Карлтон кивнул на монитор.

– Это почему?

Директор подался вперед, взял мышку и пробежал по пяти другим генетическим картам.

– Вот этот следующий кариотип принадлежит второй обезьянке-близнецу. И опять мы видим двадцать восемь хромосомных пар, как и в первом случае. Следующая у нас овечка, потом котенок ягуара, попугай и последний – бирманский питон.

– Питон?

Нахмурившись, Лорна посмотрела в другой конец лаборатории, где в инкубаторе помещалась кладка яиц. Горя желанием получить подтверждение своим догадкам, Карлтон, вероятно, вскрыл одно из яиц, чтобы раздобыть образец ДНК эмбриона.

– У питонов обычно тридцать шесть пар хромосом, – продолжал директор. – Смешение микро- и макрохромосом.

– Здесь их тридцать семь. – Лорна посмотрела на экран.

– На одну пару больше, чем обычно. Как и у всех остальных. Вот почему я уверен, что мы получим те же результаты, когда повторим тест. Чтобы лаборатория совершила одну и ту же ошибку шесть раз подряд – это за пределами статистической погрешности.

Лорна задумалась, пытаясь понять, что бы это могло значить.

– Вы хотите сказать, что у всех животных с траулера один и тот же генетический дефект? У каждого лишняя пара хромосом?

У людей иногда встречались такие генетические отклонения. Одна дополнительная хромосома приводила к возникновению у ребенка синдрома Дауна. Был еще синдром Клайнфельтера, когда мальчики рождались с двумя X-хромосомами, что давало кариотип вида XXУ. И в редких случаях люди появлялись на свет с дополнительной парой хромосом – это приводило к ранней смерти или сильной умственной отсталости.

Она нахмурилась, не отводя глаз от монитора. Ни у одного из этих животных не было ничего похожего. Внутреннее смятение, видимо, отразилось на ее лице.

– Я думаю, вы не в полной мере осознаете, о чем мы тут толкуем, – сказал Карлтон. – Эта дополнительная пара хромосом не есть следствие генетического нарушения. Причина тут вовсе не в случайной ошибке деления при образовании сперматозоидов или яйцеклеток.

– Почему вы так уверены?

С помощью мышки он снова пробежал по всем шести кариотипам, указывая на последние пары хромосом в каждом случае.

– Образцы с траулера не просто имеют дополнительную пару хромосом. У них всех эта пара одинаковая.

Только теперь Лорна увидела, что дополнительные пары хромосом в каждом образце похожи. Вместе с осознанием медленно приходило понимание. Ощущение было такое, будто нахлынувшая волна вымывает землю из-под ног.

Это невозможно.

– Это не ошибка природы. – Карлтон ткнул пальцем в экран компьютера. – Это дело рук человеческих. Кто-то добавил всем этим животным дополнительную пару хромосом.

– Кто? – пробормотала Лорна. Увиденное так выбило ее из колеи, что голова закружилась, но в то же время она испытывала и возбуждение.

Карлтон повернулся к ней. Его кустистые брови высоко поднялись, а большие глаза горели любопытством.

– Есть более серьезный вопрос, моя дорогая. Зачем?

Глава 9

Отец Дэнни Хемпла пробирался сквозь камыш. Вокруг простирались плавни.

– Ты испытываешь мое терпение, мальчик. Иногда от тебя столько же пользы, сколько от сисек у быка.

Дэнни не стал спорить, зная по опыту, что лучше этого не делать. В семнадцать лет он ростом уже догнал отца, но по части жестокости ему до родителя было далеко. Один раз он видел, как тот до полусмерти избил человека рукояткой молотка – тот обсчитал его при дележе выручки за рыбу.

В данный момент отец вытаскивал из заболоченных тростниковых зарослей ловушку для крабов. Это была не их ловушка. И не какая-нибудь старая, давно заброшенная, куда крабов набилось выше крыши. Она выглядела новенькой, с иголки, с новыми лесой и поплавком. Сохранилась даже бирка, разрешающая использование.

Перочинным ножом Хемпл-старший отрезал лесу и бирку и потопал со своей добычей дальше по мелководью. В ловушке Дэнни заметил с дюжину довольно крупных голубых луизианских крабов.

– Парень, вынь палец из жопы и подгони сюда эту треклятую лодку. У нас нет времени возиться тут целый день.

На отце были болотные сапоги на помочах, в которых он без опаски шлепал по мелководью. При помощи багра Дэнни подвел лодку поближе. Это был проржавевший аэроглицер с удаленным воздушным винтом, вместо которого стоял старый навесной «эвинруд». На таком мелководье пользоваться мотором было нельзя, к тому же он слишком шумел. А то, чем они занимались, было чревато для них крупными неприятностями, засеки их кто-нибудь из Бюро по охране дикой природы.

Штормы вроде вчерашнего губили тысячи крабовых ловушек, расставленных в рукавах вблизи залива. Волны срывали их с якорей и уносили глубже в плавни. «Это все равно что бросать деньги на ветер», – нередко ворчал отец. Дэнни с друзьями шутили, что это скорее как метать бисер перед свиньями. Он совершил ошибку, повторив эту шутку в присутствии отца. Нос у Дэнни с тех пор побаливал – старый перелом давал о себе знать.

– Ну, давай уже! Тут еще пара таких.

«Хрю-хрю», – мрачно проговорил про себя Дэнни, работая багром.

Приблизившись, он взял ловушку у отца и добавил к четырем уже стоящим в лодке. Он понимал, что добыча хороша, хотя и презирал это занятие. Восемь долларов за фунт мяса из клешней и в два раза больше за остальное крабовое мясо – за день они вполне могут зашибить тыщонку. Не говоря уже о том, что можно продать крабовые ловушки тем же людям, кто их устанавливал.

Мародерство такого рода не проходило мимо ребят из Бюро по охране дикой природы. Если инспектора не сажали вас в кутузку или не облагали неподъемными штрафами, то стояли с протянутой рукой, желая получить долю. Они говорили, что это цена, которую ты должен заплатить за право вести здесь бизнес. Но это еще была не худшая опасность. Сюда наведывались и другие охотники – вроде отца Дэнни. Из-за территорий происходили драки, кончавшиеся иногда смертоубийством. Говорили, что аллигаторы в этих местах от голода не умирают.

Помня об этой угрозе, Дэнни все время прислушивался, стараясь контролировать обстановку. Увидеть что-либо дальше чем на двадцать ярдов в любом направлении было невозможно: вокруг расстилались заросли кипарисовых и амбровых деревьев, покрытых мхами и плющом, ветки смыкались над узкой протокой.

Он следил, не раздастся ли высокое завывание инспекторского аэроглиссера или рычание навесного мотора другого браконьера. Пока что слышались только комариный писк да крики вилохвостых коршунов, которые хлопали крыльями высоко наверху в кронах.

Дэнни отер лоб и сунул платок назад в карман. Казалось, дневная жара накапливается под ветвями, и в тени было ничуть не лучше, чем на солнце. И ко всему этому от крабовых ловушек начала исходить вонь. Но что он мог поделать?

Выбора у него не было, а потому он, работая багром, двигался за отцом, держась на краю камышовых зарослей. Они забрались выше по течению, чем обычно, да и задержались сегодня дольше. Понятно, почему отец пошел на такой риск. У младшей сестренки случился рецидив лейкемии, а поскольку глава семейства сейчас был безработным, медицинской страховки у них не имелось. Поэтому Дэнни на сей раз не особо возмущался грубостью отца, понимая, какие тревоги и стыд толкают его на это.

– Па, кажется, там еще одна ловушка.

Дэнни показал багром в маленькое ответвление протоки под густыми ветками. На поверхности воды перед входом колыхался белый поплавок.

– Ну и достань ее, пока я с этой разбираюсь.

Слыша проклятия отца за спиной, Дэнни погрузил багор в воду и направил лодочку в узкую протоку; здесь в изобилии росли лилии, а деревья наверху тесно сплелись ветвями. Это было больше похоже на туннель, чем на рукав.

Ему пришлось напрячься, чтобы добраться на лодке до бесхозного поплавка. Раздался неожиданный всплеск, и Дэнни вздрогнул. Повернувшись, он увидел енота, плывущего по основному рукаву. Енот загребал что было сил. Дэнни нахмурился: обычно эти животные не боялись людей, да и сам этот заплыв мог закончиться для отчаянного пловца в желудке притаившегося аллигатора.

Дэнни не успел еще отвернуться, как с ветки прыгнул другой енот и с довольно большой высоты плюхнулся в воду. Что за паника?

– Ну, на что ты там уставился, – крикнул ему отец. – Давай уже, шевелись.

Нахмурившись, Дэнни занялся делом – нагнулся и ухватил поплавок. Вытянул его из воды, нащупал лесу, ощущая тяжесть ловушки внизу, – ясно, что улов будет хороший. Для равновесия расставив ноги пошире, он втащил проволочную клетку в лодку. Емкость была битком набита крабами. Дэнни прикинул, сколько это может стоить, и на его лице появилась довольная улыбка.

Поставив добычу рядом с другими, отталкиваясь багром и направляя лодку из протоки, парень краем глаза ухватил еще что-то белое в глубине. Приподнял ветку, взгляделся – футах в пятидесяти на поверхности воды покачивались еще четыре поплавка.

Отлично...

Дэнни ухватился за ветку, подтянулся вместе с лодкой глубже в притоку, остальную часть пути преодолел с помощью багра. Но даже сосредоточившись на поплавках, он не забывал поглядывать на всякие подозрительные бревна на берегу, чтобы не пропустить характерные очертания зубастой пасти. Аллигаторы нередко заплывали в такие тихие протоки, но Дэнни особо не беспокоился. Эти твари только в брачный сезон становились агрессивными, и самки нападали на любого, кто приближался к их гнездышку. К тому же у них с отцом у обоих на поясе висела кобура с пистолетом.

Он добрался до поплавков и уже хотел наклониться, чтобы их вытащить, когда увидел, что лесы тянутся к берегу. А вон и сами ловушки у кромки воды – все помятые и раскрытые, словно побывали в дробилке для щепы. И ни одного краба! Поначалу Дэнни подумал, что это какой-нибудь здоровенный аллигатор польстился на легкую добычу, но страх вдруг стиснул горло. За все эти годы он ни разу не видел, чтобы аллигаторы разоряли ловушки для крабов.

А если учесть, что снасти были довольно тяжелыми, то вытащить их на берег мог только очень крупный зверь.

Но если это не аллигатор...

Дэнни проглотил слюну: во рту вдруг стало сухо, как в пустыне. Он выпрямился и принялся отталкиваться багром в сторону большого рукава. Вспомнилось, с какой скоростью убрались отсюда еноты. Что-то их спугнуло – наверное, не парнишка в лодке. Он бросил взгляд на помятые клетки, всем своим существом ощущая вонь, исходящую от груза в лодке.

Он стал отталкиваться энергичнее.

Громкий треск ветки заставил его резко повернуться. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Толстая ветка обломилась и, упав на протоку, преградила путь к отступлению.

На противоположном берегу что-то зашуршало в кустах, словно кто-то спрыгнул с дерева и приземлился на дальней стороне. Дэнни уронил багор и выхватил пистолет. Щелкнул предохранителем.

Шуршание в кустах быстро удалялось.

Дэнни так и не увидел, что это было, но почувствовал: что-то большое и опасное. Он замер на месте, напрягая слух – зверь, сделав круг, может вернуться.

От внезапного крика он чуть не вывалился из лодки.

– Эй, парень, засунь свой хер назад в штаны и возвращайся!

Только теперь Дэнни понял, в каком направлении удалялся шорох в кустах.

Нет...

Элдон Хемпл почувствовал неладное еще до того, как раздался жуткий крик сына:

– Папа!

Хемпл-старший охотился в плавнях и дельте еще в те времена, когда под стол пешком ходил, а потому обладал обостренными инстинктами. Внезапная тишина послужила ему предупреждением. Небо словно давило на землю, как перед сильным штормом.

Стоя по шиколотку в воде, среди зарослей камыша и низеньких пальм, он опустил ловушку с крабами и вытащил пистолет. Медленно повернулся, глядя немигающим взглядом. Его обуял какой-то животный страх – ноги сами были готовы унести куда подальше отсюда, но он справился с этим позывом, – а к тому же не знал, откуда грозит опасность.

Элдон напряженно вслушивался, не раздастся ли всплеск, не хрустнет ли ветка. Ужас сжимал ему грудь – не столько за себя, сколько за сына. Спуска он отпрыску не давал, но любил его всем сердцем.

Наконец он услышал. У себя за спиной. Что-то похожее на резкий кашель, но не человеческий – скорее так сопят животные. Потом раздалось низкое рычание.

Он завел руку за спину и вслепую выстрелил – еще, еще, еще раз, одновременно бросившись бежать в противоположном направлении – туда, где было глубже.

– Дэнни! Мотай отсюда!

Охотник несся сквозь камышовые заросли, острые, как бритва, листья секли лицо и голые руки. Если бы удалось добежать до глубокой воды, нырнуть!

У него за спиной кто-то ломился сквозь карликовые пальмы. Только теперь он понял, что кашель и рычание были умышленными, имели целью выгнать его на открытое пространство.

Камыш кончился, впереди расстилалась открытая вода. Элдон согнул ноги в коленях, собираясь нырнуть, но что-то массивное обрушилось ему на голову, повалило лицом вниз на мелководье.

Воздух вышел из легких, острые ножи вонзились в плечи и спину. Он попытался завести руку назад, чтобы вслепую выстрелить через плечо, и ему удалось нажать на спусковой

крючок. Выстрел бухнул у самого уха, грохот оглушил, но не настолько, чтобы он не услышал свистящий визг, полный боли и ярости.

Тень навалилась на него, закрывая солнце.

Шею обжигало горячее дыхание. Челюсти сомкнулись у него на затылке, лицо ушло в илистое дно. Он почувствовал, как усиливается давление на его череп, потом мгновение оглушающей боли, хруст костей... а потом темнота.

Дэнни слышал выстрелы, пронзительный свирепый визг, крик отца: «Беги!» От этого крика волосы у Дэнни встали дыбом. Он знал, что у него есть считанные мгновения. В луизианских плавнях охотились медведи и рыси, но зверь, издавший этот рык, был гораздо крупнее. И забрел сюда из совсем других краев.

Схватив свой багром, парень принялся толкать лодку в единственном доступном направлении – подальше от главного рукава. Упавшая ветка была слишком велика и разлаписта – самому ее никак не оттащить. К тому же он понимал, что времени расчищать дорогу нет, надо как можно скорее убраться подальше.

Орудя багром, он прислушивался, не раздастся ли новых выстрелов, грубого окрика – чего угодно, подтверждающего, что отец жив. Но в дельте стояла тишина. Даже комары, казалось, успокоились.

Он уперся багром в илистое дно и оттолкнулся; лодка проплыла мимо помятых крабовых ловушек и продолжила путь глубже в лабиринт кочек и плотной стены кипарисов. Эту часть дельты Дэнни не знал, но понимал, что должен продолжать движение.

Тяжесть пистолета придавала ему уверенность, и он засунул оружие за пояс, чтобы в случае нужды быстрее достать.

Только бы уплыть подальше – в этом заключалась его единственная надежда. Только бы добраться до открытой воды, может, даже до самого залива. Но Дэнни приходилось двигаться в другую сторону – на север. Едва ли он сумеет добраться до Миссисипи, но между этим местом и Биг-Мадди есть маленькие поселки. Если ему удастся попасть в один из них, забить тревогу, поднять людей... людей, у которых много оружия...

Время, отмеряемое биением сердца, текло медленно. Прошел едва час, но Дэнни казалось, что он работает багром уже в несколько раз дольше. Солнце низко висело над горизонтом. В какой-то момент звуки вернулись в дельту: кваканье лягушек, трели птиц. Даже возвращение туч комаров порадовало его. Тот монстр, который объявился в плавнях, видимо, отказался от преследования.

Тоненькая протока перешла наконец в небольшое озерцо. Дэнни добрался до середины заводи, радуясь тому, что береговая линия со всех сторон отодвинулась подальше. Но солнце закатилось за деревья, отчего поверхность озерца превратилась в черное зеркало.

И в этом отражении Дэнни увидел, как что-то мелькнуло на берегу – что-то белое, едва показавшись, совершенно неслышно метнулось в лес.

Он выхватил пистолет из-за пояса.

Один из берегов озера загромождал бурелом, и животному на мгновение пришлось выйти на открытое пространство. Это был кто-то похожий на тигра светлого окраса, только еще опаснее, с более длинным, чем у обычного тигра, хвостом, чтобы компенсировать длинные ноги. В окровавленной пасти оно тащило что-то безвольно повисшее, и Дэнни объял ужас: уж не часть ли это тела его отца – рука или нога?

Но за мушкой пистолета он разглядел, что это большой котенок, которого зверь тащил за холку.

Прежде чем исчезнуть в лесу, кошка остановилась и посмотрела на Дэнни. Их взгляды встретились. Зверь оскалился, и Дэнни увидел клыки, похожие на кинжалы из кости. Его пробрала дрожь, горячая влага потекла по левой ноге...

А кошка тут же растаяла среди зарослей.

Дэнни так и остался стоять с наведенным пистолетом в руке. Прошла целая минута, прежде чем наконец он медленно переместился в центр лодки, сел, прижав колени к груди. Он чувствовал, что эта громадная кошка ушла, но все равно не собирался никуда двигаться. Он скорее умрет с голода, чем когда-либо приблизится к берегу.

Обводя взглядом лес вокруг, он продолжал видеть перед собой глаза этого существа. В них не было ничего звериного – только расчет и трезвая оценка ситуации. Казалось, зверь прикидывал, чего он, Дэнни, стоит, и решал, каким образом лучше добраться до него.

В этот момент Дэнни понял, что ветка, перегородившая ему путь, упала не случайно. Кошка сделала это, чтобы разделить его и отца. А потом, уже зная, что первая жертва никуда не денется, сначала отправилась за отцом, который представлял более серьезную угрозу. В этом озере Дэнни был заперт, как краб в ловушке, – за ним можно прийти и попозже.

Но что-то изменило планы зверя.

Что-то более серьезное, чем парнишка в лодке.

Глава 10

Шагая по раскачивающемуся мостику, Джек даже не притронулся к заплесневелым веревочным перилам, натянутым с обеих сторон, ни разу не посмотрел вниз, хотя несколько деревянных дощечек давно сгнили и отвалились. Он нес свою массу с привычной легкостью, не теряя равновесия.

Там впереди, на одном из маленьких островков рукава Туберлайн, стоял его дом. Участок представлял собой небольшую горушку, торчащую из черной воды, окаймленную ряской и поросшую по бережку меч-травой. Старый дом каменной кладки – ветхое сооружение, словно составленное из детских кубиков как попало, безо всякого плана, – располагался на самой макушке холма. В течение последних полутора веков комнаты пристраивались по мере разрастания клана Менаров, но большинство из них были теперь пусты – современная жизнь выманила отсюда молодежь. Здесь жили его родители, которым давно перевалило за семьдесят, а с ними целый набор кузенов, племянниц и племянников.

У пристани неподалеку стояла старая рыболовная лодка. Она все еще была на плаву – благодаря скорее упорству его старшего брата, чем сохранности днища. Рэнди, одетый только в шорты до колен и шлепанцы, сидел на садовом стуле у пристани с банкой пива в руке и разглядывал лодку. При виде Джека он лишь слегка поднял вверх руку, в которой была зажата банка пива, – в этом и заключалось все приветствие.

– Так что – идем на охоту? – спросил Рэнди, когда Джек подошел.

– Ты уже связался с Ти-Бобом и Пийо?

– Они в курсе. Будут здесь... – Рэнди посмотрел в сторону заходящего солнца, потом рыгнул и пожал плечами. – В общем, когда придут, тогда и будут.

Джек кивнул. Братья Ти-Боб и Пийо Тибодо были наполовину черными кейджнами, наполовину индейцами. Еще они считались лучшими из всех известных ему здешних охотников. Прошлой весной они помогли поймать двух наркодельцов-контрабандистов, которые бросили свое суденышко в Миссисипи и пытались бежать через дельту. Поблуждав в плавнях более суток, беглецы были просто счастливы, когда их нашли братья Тибодо.

– И на кого охота? – спросил Рэнди. – Ты так и не сказал.

– На большую кошку.

– Рысь?

– Крупнее.

Рэнди пожал плечами.

– Так вот почему ты заявился сюда за Бертом.

– Он у отца?

– А где ему еще быть?

Джек направился к дому. Он не знал причины, по которой его брат пребывал в особенно мрачном настроении, но мог догадываться.

– Если идешь с нами, то тебе не надо пить.

– Я лучше стреляю, если заглотну пару баночек пивка.

Джек закатил глаза. К сожалению, его брат, возможно, был прав.

Подойдя к дому, он распахнул дверь. Он не жил здесь уже больше десяти лет, купив дом около озера Понтчартрейн, – после урагана «Катрина» тот теперь нуждался в ремонте. Но никакое другое место он не считал своим домом в большей степени, чем это. Когда он вошел в прихожую, его охватил знакомый запах – масла для жарения с примесью пряностей, запах дыма и табака, за прошедшие годы впитавшийся в камень. Ожили в памяти самые счастливые годы детства, проведенные в этом шумном, беспорядочном, неустроенном, мно-

голюдном доме. Теперь здесь было куда спокойнее – жилище словно погрузилось в сон в ожидании будущего пробуждения.

– Qui c'est q'ça? – раздалось откуда-то спереди.

– Это я, па, – откликнулся Джек.

Чтобы найти отца, достаточно было держать курс на клубы трубочного дыма и мягкое, скрипучее звучание музыки в стиле зайдеко⁷. Отец сидел у себя в кабинете в конце коридора, где одну стену занимал камин, а другие были уставлены книжными шкафами.

– Привет, Джек. – Отец попытался подняться с кресла.

Джек махнул рукой – сиди, мол. Родитель со вздохом вернулся в прежнее положение. Артрит сделал его почти калекой, когда-то сильное тело высохло до костей, изъеденных в суставах. Наверно, ему было бы лучше в приюте для престарелых, но здесь он находился дома – среди своих книг, слушая музыку в компании со своей старой охотничьей собакой Бертом, последним представителем нескольких поколений ищеек. Собаки были такой же частью семейства Менар, как любой из братьев или сестер.

Черный с подпалинами пес лежал у пустого камина, вытянувшись на прохладном камне, – одни ноги и уши. К тринадцати годам морда у него поседела, но он оставался сильным, здоровым и обладал чутьем, которому позавидовал бы любой из собратьев.

И этим вечером Джеку требовался его нос.

Отец набил еще табачка в трубку.

– Слышал, ты берешь сегодня ребят поохотиться?

Заслышав знакомое слово, Берт поднял голову, взмахнул хвостом – я не ослышался? Нюх у него работал прекрасно, а вот слух начал сдавать.

– Беру, – ответил Джек им обоим.

– Это хорошо. Хорошо. Мать начистила и смазала твоё ружьё. Она во дворе с твоей кузиной – развешивает бельё.

Джек улыбнулся, представив себе, как старушка разбирает его ружьё и аккуратно начищает каждую деталь. Она была кейджн, а потому, вероятно, умела делать это с закрытыми глазами. В лучшие свои годы мать могла кому угодно в семье дать фору по меткости стрельбы. Один раз она уложила из окна аллигатора, который выполз на берег и подбирался к его младшему братишке. Том играл слишком близко к воде, к тому же Джек оставил его без присмотра. Она убила тварь одним-единственным выстрелом – пуля вошла точно в глаз, и аллигатор свалился мертвым. А она, пожуриив младшего и отвесив подзатыльник разгильдяю старшему, просто вернулась к тому, чем занималась перед этим, – мытьё посуды.

Теперь, вспоминая об этом, Джек невольно улыбался. В самозабвенной преданности мать старалась как могла, оберегая детей, но от них самих защитить не могла. По пути к отцовскому кабинету он миновал спальню, которую когда-то делил с братом, – теперь она пустовала. Комната стала чем-то вроде святилища: награды и трофеи Тома по-прежнему украшали полки вместе с коллекцией раковин, книг и старых виниловых пластинок. От Джека в этой комнате почти ничего не осталось. Его отсюда вытеснили скорбь и воспоминания.

Отец, похоже, заметил что-то на лице Джека.

– Говорят, ты сегодня повидал эту девицу. Ну, ту, которая... встречалась с Томми.

Он хотел было спросить, откуда отцу это известно, потом вспомнил: здесь же дельта. Слухи распространялись по плавням быстрее любого урагана. Теперь он понял и то, почему Рэнди встретил его так холодно и неприветливо.

⁷ Музыкальный стиль, зародившийся в начале XX в. в юго-западных областях Луизианы среди креольского и кейджнского населения.

– Она помогает нам в одном деле. Там шайка, занимающаяся контрабандой животных. Ничего серьезного.

Лицо загорелось, но смутило Джека не только то, что он не сказал отцу всей правды. В прошлом была похоронена куда большая ложь. Смерть его брата списали на пьяный несчастный случай. За рулем сидела Лорна. Но лишь немногие знали остальное: судья хотя и признал вину Лорны, но вынес ей лишь предупреждение, главным образом благодаря свидетельским показаниям Джека, который давал их конфиденциально. Но его семья тем не менее так и не простила ее.

– Она казалась такой миленькой девушкой, – пробормотал отец, не вынимая трубки изо рта.

– Они были совсем детьми, – неуверенно сказал Джек. Он обещал никому, кроме судьи, не говорить правды.

Ради них обоих.

Отец уставился на Джека. Судя по блеску стариковских глаз, тот подозревал, что знает не всю историю.

Неловкую паузу прервал крик с другого конца дома.

– Джек! – раздался голос матери. – Где ты? Я приготовила термос для тебя и ребят. А еще не забудь корзинку – там еда!

– Хорошо.

Отец проводил его тяжелым взглядом и облегченно вздохнул, когда сын вышел из кабинета. Не успел Джек оказаться в коридоре, как у него в кармане завибрировал телефон, и он с готовностью поднес мобильник к уху, надеясь отвлечься.

Звонил Скотт Нестер, его заместитель.

– Мы тут нашли кое-кого, кто видел эту треклятую кошку.

– Кого? Где?

– Парнишку в лодке. Он стрелял в сторону одного из наших поисковых вертолетов, чтобы привлечь внимание.

– Ты уверен, что это оно самое?

– Да-да. Он описал большую белую кошку с громадными зубами. Говорит, что она убила его отца. Мы отправили отряд на поиски тела.

Пальцы Джека сжали телефон.

– А парнишка видел, куда направился объект?

– Он считает, что на север. В сторону Миссисипи.

– Где именно нашли парнишку?

– У вас есть карта?

– Могу найти.

Скотт сообщил ему координаты. Отдав еще несколько распоряжений, Джек поспешил туда, где его брат в шкафу рядом с задней дверью держал набор морских карт. Кроме того, шкаф был набит рыболовными принадлежностями: коробками с крючками, лесками и блеснами, всевозможными самодельными манками, так что в поисках карты дельты он укололся пальцем о крючок.

Держа свернутый лист в руке, он вытащил крючок и отер окровавленный палец о рубашку, потом подошел к столу, развернул бумажную трубку и карандашом пометил то место, где был найден парнишка в лодке... или, по крайней мере, наиболее близкое к этому. Два-три года работы реки, несущей песок, многократные наводнения – и даже лучшие карты региона переставали отражать действительность. Тем не менее он смог найти остров, на который выбросило траулер, и прочертил прямую линию между ним и тем местом, где подобрали пострадавшего.

Линия вытянулась от островка к северу. Зверь явно туда и двигался. Джек пунктиром продолжил линию от места обнаружения парня до самой Миссисипи, где она уперлась в небольшой городок на берегу реки – Порт-Сульфур. Тут он поставил крестик – городок был ему известен. Его почти полностью уничтожила «Катрина», некоторые дома унесло футов за сто от их фундамента.

Немного подавшись назад, Джек принялся изучать карту.

Дверь открылась – вошел Рэнди.

– Только что приплыли в своем каноэ Ти-Боб и Пийо. – Он ткнул в крестик на карте. – Нам сюда?

– Отсюда мы начнем. Соберем всех в Порт-Сульфуре и направимся на юг в дельту.

Джек уставился на штриховую линию. Саблезубая кошка пряталась где-то здесь.

– Так чего мы ждем? – спросил брат, хлопнув его по плечу. – *Laissez les bons temps rouler.*

Джек сложил карту. Прежде чем последовать совету брата и «позволить хорошим временам наступить», ему предстояло сделать кое-что – и это его не радовало.

– Мне еще нужно захватить кое-кого.

Глава 11

После шторма Лорна так и не успела привести свой двор в порядок.

Уже наступил вечер, когда она поднималась по каменным ступенькам к дверям дома в Гарден-Дистрикт. Солнце нависало над горизонтом, магнолии и дубы отбрасывали густые тени. При виде поломанной черепицы, сброшенной с крыши, сорванных ветром листьев и помятых бутонов, которыми был забросан заросший газон, можно было подумать, что здесь поработал кистью Джексон Поллок⁸. В центре двора стоял давно не работающий каменный фонтан, украшенный замшелым ангелом.

Она вздохнула, видя плачевное состояние семейного особняка. Краска на крыльце пузырилась и шелушилась. Колонны в итальянском стиле были покрыты щербинами, даже резная передняя дверь черного дерева просела, и, чтобы ее открыть, требовались немалые усилия – прошедшие столетия перекорезили косяк.

В доме было темно – брата вызвали устранять поломки на нефтяной платформе в заливе, и он должен был вернуться лишь завтра. Ну, это и к лучшему.

Она щелкнула выключателем в прихожей. Справа на площадку второго этажа, а оттуда – на уровень третьего поднималась деревянная лестница. С потолка в лестничный проем свисала огромная люстра восемнадцатого века, привезенная из французского замка. Половина вставленных в нее лампочек перегорела, но чтобы их заменить и почистить хрусталь, нужно было совершить технический подвиг.

Бросив у двери тяжелый кейс, Лорна прикинула, хватит ли времени набрать горячую ванну. Покидая ОЦИИВ, она сняла рабочий халат и снова натянула потрепанные джинсы и рубашку. Мучительно хотелось сбросить грязную одежду и погрузиться в самую горячую воду, какую только сумеет обеспечить старенький нагреватель. Может, даже с пузырьками и одним стаканчиком шардоне... Ну, может девушка хоть немного помечтать?

Ночь обещала быть долгой, а завтрашний день в ОЦИИВе – напряженным. Сегодня она сделала там все, что смогла. Важные тесты все еще не закончились, и результаты ожидались завтра утром. Особенно ее интересовал анализ ДНК на дополнительную пару хромосом, присутствовавшую у всех спасенных животных. Кто осуществлял эти эксперименты и почему? Ответы, возможно, крылись в генетических кодах.

Она не успела дойти до лестницы, как в глубине дома зазвонил телефон, и Лорна поспешила к столику в холле. Наверно, это Джек, хотя он скорее позвонил бы на сотовый. Сердце забило быстрее – хотелось поскорее узнать план сегодняшней охоты. Но, сняв трубку, она испытала сильное разочарование – до нее донесся голос брата. Кайл звонил с нефтяной платформы.

– Лорна, я просто проверить, как дела. На месте ли дом.

– Пока на месте. Но никаких гарантий на будущее дать не могу.

Брат прыснул со смеху. Наверно, скучает там. Как обычно, по телефону они говорили больше, чем когда оба находились дома – в это время брат и сестра старались не особо досажать друг другу, что было нетрудно в доме с семью спальнями и пятью ванными.

– Я немного раньше оставил послание, – сказал Кайл. – Подумал, что ты наверняка на работе. Не хотел тебя беспокоить.

– Ничего – мог бы и позвонить. Хотя день был сумасшедший. – Она вкратце рассказала ему о том, что случилось.

– Господи милостивый, ну и дела.

– Да, странные дела. Мы все еще проводим лабораторные анализы...

⁸ Американский художник, ведущий представитель абстрактного экспрессионизма.

– Нет, я имею в виду, что Джек Менар именно тебя пригласил поучаствовать в расследовании. Наверно, ты себя чувствовала не в своей тарелке.

Ответила она не сразу. «Не в своей тарелке» – это еще мягко сказано. Тогда ее захлестнула целая буря эмоций: чувство вины, скорби, стыда, злости и еще чего-то более глубокого, ощущение связывавшей их тайны. Она представила себе серые, как тучи, глаза Джека, вспомнила его взгляд, который, казалось, проник в самую ее душу. Даже ее брат не знал всей ужасной правды о той кровавой ночи.

– Ну, по крайней мере, ты с ним уже рассталась, – сказал Кайл.

– Это не совсем так, – еще не полностью владея голосом, ответила Лорна. – Я собираюсь помочь ему в поисках сбежавшего ягуара.

– Что значит «помочь»? Профессиональным советом?

– Нет, я сегодня вечером иду с ним на охоту.

В трубке наступило глухое молчание, а потом Кайл заорал:

– Ты что – совсем спятила? С какой стати?

Она кинула взгляд на черный кейс у двери, в котором лежало разобранное ружье-транквилизатор.

– Я хочу захватить кошку живьем.

– В жопу твою кошку. Ты собираешься отправиться в плавни с представителем семейства, которое не прочь скормить тебя аллигаторам.

– Все будет в порядке. – Она не могла объяснить, почему доверяет Джеку. – Мы пойдем не вдвоем, там будет поисковая партия. Так что беспокоиться не о чем.

– Не ходи, Лорна. Или хотя бы дождись моего возвращения. Завтра я смогу присоединиться к тебе.

– Нет. Ягуары – ночные животные. Она сегодня ночью выйдет на охоту. Для нас это наилучшая возможность поймать ее, пока она не загрызла кого-нибудь.

– Лорна...

Из кармана зазвучал сигнал телефона.

– Извини, мне звонят.

– Дождись моего возвращения, – скороговоркой произнес Кайл, боясь, что она прервет разговор.

– Я позвоню тебе завтра утром. – Она повесила трубку и вытащила сотовый. – Доктор Полк слушает.

– Вы готовы? – Это был Джек, и его грубоватые манеры мгновенно настроили ее на воинственный лад. На заднем плане в трубке раздавался знакомый рев вертолета.

– Конечно готова.

– Можете подойти к пристани за Одюбонским зоопарком?

– Буду там через пятнадцать минут. Вы составили план?

– Мы подберем вас на вертолете. Моя команда собирается в Порт-Сульфуре.

Его голос звучал неестественно напряженно, и Лорна почувствовала какую-то недосказанность.

– Что-то случилось?

– Ваша кошка дала о себе знать – напала на человека. В дельте. Несколько минут назад мы нашли тело – она затащила его на дерево, опутала всего мхом. Череп раздроблен, рука оторвана.

У Лорны перехватило дыхание. Они уже опоздали.

– В последний раз предлагаю вам воздержаться. – Джек предпринял еще одну попытку ее отговорить. – Моя команда может справиться самостоятельно. Нет никаких причин тащиться еще и вам.

Она снова кинула взгляд на кейс с ружьем у дверей. Джек ошибается: теперь у нее две причины присоединиться к партии. Она все еще хотела захватить кошку живьем, но поведение животного требовало обезвредить его как можно скорее. Зверь не спрятался на время дня, как она надеялась. Он двигался. Вот только куда?

– Джек, я иду. Мы только попусту тратим время на препирательства. Чем скорее мы найдем кошку, тем меньше людей будут подвергаться опасности.

Он тяжело вздохнул.

– Будьте у пристани через пятнадцать минут – и ни минутой позднее. Сами сказали – нельзя попусту тратить время. – И отключился.

Лорна поспешила к входной двери. Прощай, мечта о горячей ванне! Она схватила кейс и открыла дверь. Солнце уже закатилось за горизонт. Скоро будет темно.

Спускаясь по ступенькам крыльца, она вдруг подумала: господи, что я делаю?

Озабоченность ее брата, предупреждение Джека – все это не смогло ее остановить, но их тревога передалась ей, найдя в душе Лорны благодатную почву. Она ветеринар, а не охотник на крупную дичь!

Но все же Лорна не повернула назад, а направилась к «бронко» брата, припаркованному у бордюрного камня. Один раз она уже засомневалась, позволила страху повлиять на нее, и это стоило жизни молодому парню.

Но теперь – нет... не в этот раз.

Глава 12

Когда вертолет поднялся над Миссисипи и взял курс на небольшой городок Порт-Сульфур, солнце уже спускалось за горизонт. В воздухе Лорну вновь охватил привычный ужас перед полетом. Если она научится скрывать свои чувства, то, возможно, со временем привыкнет, но ее вспотевшие ладони и частое дыхание говорили не в пользу такого предположения. Стараясь отвлечься, она стала разглядывать проносящийся внизу ландшафт – отмечала знакомые места, прикидывала, сколько еще времени придется провести в воздухе.

Порт-Сульфур с высоты в глаза не бросался – он занимал всего шесть квадратных миль и был защищен траченной временем и стихиями системой дамб. Когда-то это был крепкий городок, обслуживавший компанию по добыче серы, но в девяностые, когда буровые и обогатительные работы были свернуты, стал тихо умирать, и в конце концов ураган «Катрина» написал ему эпитафию. По городу прошла волна высотой в двадцать два фута и просто уничтожила все, что там еще оставалось. Из приблизительно трех тысяч жителей лишь небольшая часть вернулась в свои потрепанные стихией дома.

Если бы Лорна не вглядывалась в землю внизу с такой тревогой, она пропустила бы городок. Они миновали его за считанные секунды и снова оказались над водой – широким мелководным озером, называемым Бей-Лано. Вертолет начал быстро спускаться – сорок миль по прямой от Нового Орлеана он преодолел меньше чем за пятнадцать минут. Тем не менее Лорна спешила как можно скорее покинуть эту птичку.

Все это время она пребывала в напряжении и чуть вздрогнула, услышав усиленный наушниками голос Джека, – тот сидел впереди с летчиком, а Лорна делила задние сиденья с двумя пограничниками. Они представились, но она уже забыла их имена, сосредоточившись на том, чтобы усилием мысли удерживать вертолет в воздухе.

– Теперь мы на пограничном катере двинемся по протокам к югу от озера, – объяснил Джек. – Катер будет базой для проведения этой операции. Аэроглиссеры поменьше обшарят протоки по флангам. Если возникнет такая необходимость, мы можем воспользоваться двумя каноэ – они пройдут там, где не смогут глиссеры.

Лорна оглядывала собравшихся, а вертолет тем временем сел на поплавки в воду. С озера поднялась вторая машина, побольше, доставившая других членов команды Джека, а также еще несколько местных талантов. Пограничный катер был очень похож на тот, что она видела утром, – судно класса «перехватчик» для речного и океанского патрулирования. Появились два аэроглиссера поменьше – они приближались, легко скользя по воде, приводимые в движение гигантскими воздушными винтами.

Они причалили, и на некоторое время воцарился хаос – люди и оружие перемещались из вертолета в катер и глиссеры. Добравшись до кормы катера, Лорна чувствовала себя помехой всем – вокруг крупные, грубые мужчины, от которых пахнет дешевыми лосьонами после бритья, потом и ружейным маслом. Отовсюду раздавались хрипловатые голоса, слышались взрывы смеха.

Стремясь уйти подальше от этого вихря тестостерона, она переместилась в более тихий уголок. Поблизости с полдужиной человек – группа особого реагирования Джека – занимались оружием: проверяли пистолеты, дробовики, карабины. На шлемах у них были очки ночного видения: никто не хотел рисковать.

С другой стороны, на корме, еще трое, одетые в охотничьи куртки и джинсы, сидели на перевернутых каноэ. Лорна узнала плоскодонные формы кейджнских пирог. Два черных и один белый, судя по их поджарому сложению, были кейджнами из глубинки. Белый немного походил на Джека – может, родственник. Встречаясь с Томми, Лорна так и не успела познакомиться со всеми членами клана Менаров.

Последний из этой группы направился к ней, вихляя задом и размахивая хвостом, – это была чистокровная ищейка, но даже в собачьих манерах сквозила этакая дерзость, а глаза светились чисто кейджнской бесшабашностью.

– Берт, – прошептала она, и воспоминания о тех счастливых днях нахлынули на нее. Со старшим братом Томми она так и не познакомилась, а вот лучшей охотничьей собаке семейства была представлена.

Джек обещал прихватить собаку, но она и помыслить не могла, что это будет Берт.

Радуюсь хоть какому-то проявлению дружелюбия, она встала на колени, чтобы не оставить внимание пса без ответа. Берт подбежал к ней, роняя слюну. Она протянула руку и потрепала пса за немыслимо длинным ухом, но неожиданный резкий выкрик заставил замереть их обоих.

– Берт! А ну ко мне! Оставь эту *bonne à rien*.

Собака повернула голову и поджала хвост. Кинув на Лорну чуть ли не извиняющийся взгляд, Берт неохотно направился к трем мужчинам у каноэ.

Мужчина, позвавший собаку, окинул Лорну недовольным взглядом. Это был тот самый предполагаемый родственник Джека. Лорна не поняла, как он ее назвал – *bonne à rien*, – но, судя по интонации, это было не очень лестное определение.

Джек, в это время занятый разговором со своим заместителем, резко повернулся, подошел к этому человеку, ухватил его за ворот фланелевой рубашки и подтащил к себе – нос к носу.

– Если я еще раз услышу, что ты разговариваешь с доктором Полк подобным образом, я тебя выкину к чертям собачьим за борт. Не посмотрю, что ты мне брат. Она здесь по моей просьбе. Ты либо прекратишь, либо уберешься с моего катера.

Лорна по-новому взглянула на этих двоих. Брат? В таком случае это Рэнди, старший брат Джека и Тома. Когда она встречалась с Томом, Рэнди сидел в тюрьме – получил год за пьяную драку в пабе на Бурбон-стрит. То, что повздорил он с полицейским, находящимся не при исполнении, приговора отнюдь не смягчило.

Казалось, Рэнди собирался возразить и даже положил ладонь на грудь Джека, намереваясь его оттолкнуть, но, видимо, прочел на лице брата что-то такое, отчего его рука упала. Он сделал шаг назад и движением плеч показал, что хоть и неохотно, но принимает условия.

– Ты здесь босс, братишка.

Джек, не удовлетворившись этим, не отпустил его, продолжая сверлить глазами. И наконец Рэнди сдался:

– *Mais oui!* Хорошо! Я тебя понял!

Джек отпустил его и кинул на Лорну такой же извиняющийся взгляд, как перед этим Берт. Рэнди вернулся к своим друзьям, и троица отступила на край каноэ. Закончив инструктировать заместителя, Джек подошел к Лорне.

– Извините, если что не так. Идемте. Прежде чем вы тут вызовете новую бучу, хочу вам показать план сегодняшних поисков. Может, что посоветуете. Ведь вы здесь именно для этого.

Его суровость задела Лорну, но она промолчала и последовала за ним в кабину рулевого. Он придержал для нее дверь, и она с удивлением обнаружила, что здесь работает кондиционер и воздух чуть ли не прохладный по сравнению с непреходящей жарой вечера. Солнце уже зашло, но небо на западе продолжало отливать розовато-оранжевым цветом.

Он пригласил ее к штурманскому столику. В кабине находился еще только рулевой, одетый, как и все люди Джека, в полевую пограничную форму, разве что без шлема. Катер уже двигался по Бей-Лано. Подошвами кроссовок Лорна ощущала вибрации палубы, передававшиеся от грохочущего двигателя. Впереди вдоль берега тянулась линия леса, казавшегося темным и непроходимым.

– Вот это наш маршрут. – Джек положил ладонь на карту, приколотую к столу, и провел пальцем по прочерченной линии. – По нашей оценке, после шторма кошка направилась к Бей-Джо-Уайз, а оттуда – на север. – Его палец замер. – Вот здесь мы нашли этого парнишку. Кошка довольно быстро преодолела большое расстояние.

Подробности трагической встречи Лорне уже были известны, и она глубоко вздохнула, радуясь возможности вернуться на профессиональную почву.

– У ягуаров большие охотничьи территории. Поэтому-то кошка и не сидит на месте, она генетически запрограммирована на то, чтобы двигаться, пока не найдет место, которое покажется ей надежным.

– Значит, она еще какое-то время не остановится?

– Определенно. Эта склонность ягуаров к миграциям и является одной из причин, по которой они стали исчезающим видом. В их родные леса и джунгли активно вторгается человек, а при их склонности к бродяжничеству уничтожение лесов приводит к тому, что звери все чаще сталкиваются с человеком, и такие встречи заканчиваются трагически.

Лорна читала про некий экологический проект, предполагавший сохранение цепочки диких лесов, растянувшихся на весь континент от Мехико-Сити до Южной Америки, громадное пространство, где сможет обитать, плодиться и мигрировать популяция ягуаров. Назывался проект «Paseo de Jaguar» – «Тропа ягуара».

Разглядывая карту, она пыталась угадать тропу этого конкретного ягуара. Тут имелась одна важная подсказка.

– Не будем забывать, что у нее котенок, – сказала Лорна. – Так что самка будет искать территорию, богатую едой, чтобы хватило для них обоих.

Джек стоял у ее плеча, изучая карту вместе с ней.

– Но где? Если она и дальше будет двигаться на север, то пройдет мимо Адамс-Бей и Лейк-Вашингтон. А это уже в глубине дельты. Откуда же нам начать поиски?

– Начнем с ее кормовой базы. Рукава дельты – прекрасная среда для ягуаров. Они обычно охотятся у водоемов, и немалая часть их добычи – морские животные: черепахи, рыба, кайманы.

Джек повернулся к ней.

– Парнишка, которого мы нашли, говорит, что она разломала несколько ловушек с крабами.

Лорна кивнула.

– Ягуары неприхотливы в еде и готовы поглощать что угодно. Они, случается, нападают на коров и лошадей. – На лице Джека отразилось недоверие, и она пояснила: – Это совершенная машина для убийства. Если львы и тигры разрывают горло жертвы, то ягуары убивают, разламывая череп. У них самая сильная челюсть из всех известных кошек. Считается, что она развилась для того, чтобы ягуары могли вскрывать панцирь черепахи, а он ведь твердый как железо.

– Если они любят черепах, то их в дельте сколько угодно. Иловые, каймановые, флоридские, водяные.

– Да, но они все маленькие, и нашей кошке их не хватит. С такой массой тела ей нужна обильная и легкая добыча. Она не остановится, пока ее не найдет.

Джек неожиданно замер и переспросил:

– Что?

Он еще ниже склонился над картой и провел пальцем по начерченной линии, оглядывая местность по обе ее стороны. Его палец остановился и щелкнул по надписи – Байу-Кук.

Выпрямившись, Джек посмотрел на Лорну.

– У ягуара острое чутье?

- Чрезвычайно острое. Они главным образом ночные охотники, так что им приходится искать добычу по запаху.
- И на каком расстоянии они могут почуять запах?
- Трудно сказать. Зависит от источника запаха, его интенсивности, направления ветра. Здесь много переменных. Если условия идеальные – то за несколько миль.
- Значит, если от какого-то места исходит сильный запах и ветер дует в нужном направлении, то это может привлечь кошку? Даже с расстояния в несколько миль?
- Конечно. Но это должен быть запах, который она воспримет как источник пищи.
- Вы сказали, что ягуары едят не только рыбу и черепах, но и кайманов. Южных двоюродных братьев американского аллигатора.
- Верно.
- Значит, если где-то есть источник такой еды, место, имеющее по-настоящему сильный запах...
- Это определенно привлечет ее.
- Джек сорвал карту с держателей и понес ее к рулевому.
- Нам сюда. – Он показал пальцем. – Байу-Кук. Радируй на аэроглизсеры – сообщи, что мы меняем планы. Направляемся прямо сюда.
- Слушаюсь, сэр.
- С картой в руке Джек вернулся.
- А что там – в Байу-Кук? – спросила Лорна.
- Туристический центр. Туда круглый год съезжаются туристы, в основном с круизных лайнеров, которые заходят в Новый Орлеан. Вас катают по плавням на аэроглизсере, а конец маршрута здесь – в Байу-Кук.
- И что там?
- Джек уставился прямо ей в глаза.
- Крокодилья ферма дядюшки Джо.

Глава 13

Дядюшка Джо не очень любил детей, но, когда их привозили группами, это давало ему немалые деньги. Он стоял на переднем крыльце своего дома, а на перильцах блестела высокая запотевшая бутылка «Будвайзера». Казалось, с заходом солнца жара и влажность только усилились – такой уж тут был климат. В первый час после заката жар словно не торопился уходить, как бессовестно засидевшийся гость, но постепенно с наступлением вечера духота отступала, дышать становилось легче.

Ему нравилось это время. Ну и пиво, конечно, тоже помогало.

Он сделал большой глоток и обозрел тридцать акров своей собственности. В дальнем конце был разбит новый палаточный лагерь – для этого пришлось вырубить площадку в старом кипарисовом лесу. Сейчас там разместился отряд бойскаутов из Батон-Ружа – они заранее заказали себе место на целую неделю. Среди палаток горели костры, повсюду висели гирлянды лампочек. Под аккомпанемент лягушачьего кваканья, редких уханий сов и рева аллигаторов в воздухе раннего вечера звучали песни.

Между бревенчатым домом Джо и лагерем лежали восемь прудов и гнезд крокодильей фермы. Еще у него был рысий питомник и мелкий прудик, в котором обитал Джиппер – гигантская каймановая черепаха. Во всех направлениях ферму пересекали приподнятые деревянные мостки, здесь и там возвышались смотровые площадки.

Джо мог взирать на дело своих рук с гордостью. Расширить участок от одного пруда с несколькими племенными аллигаторами до нынешнего уникального аттракциона стоило полмиллиона, но только за последний год его доход в три раза превысил эти вложения.

Конечно, часть этих денег утаивалась от налогообложения. Будучи членом комитета по охране природы, Джо не должен был продавать аллигаторов на шкуры или мясо, но местные инспектора за небольшую сумму соглашались закрывать глаза на подобные махинации. А некоторые богатенькие рыбаки считали, что недавно вылупившиеся аллигаторы – лучшая наживка на окуня.

По мосткам прогуливались двое дежурных с ружьями на плечах. Это были ребята из местной милиции – он нанял их сегодня днем, когда дошли слухи о какой-то большой кошке, замеченной на берегу. По рации ему сообщили, что он должен эвакуировать лагерь, но залив отсюда был далеко, а если он вывезет один только этот отряд бойскаутов, то потеряет не одну тысячу на депозитах и аренде лагеря.

А потом, это ведь был не приказ, а просто сообщение. Он даже «Катрины» не испугался – остался на своем месте, что же теперь пасовать перед какой-то кошкой? Чтобы оправдать свое решение, Джо нанял четырех человек из департамента шерифа, избранного приходом. В такие трудные времена никто не отказывался от дополнительных заработков.

За его спиной раздались шаги.

– Папа, я пойду покормлю Элвиса.

Он посмотрел на дочь, которая прошла по крыльцу, держа поднос с куриными тушками.

– Только не перекармливай. У нас на утро запланировано шоу для ребят. Я хочу, чтобы у него был хороший аппетит.

– Нельзя же мучить старика голодом, – мягко упрекнула она.

Он махнул ей рукой – иди, мол, и его захлестнула волна любви и гордости за единственное чадо. В двадцать два года Стелла поступила в бизнес-школу в Тулейнском университете – первой в семье. Она нацеливалась на ученую степень в бизнес-администрировании, но при этом посещала лекции по экологическому законодательству. Если Джо участвовал в деятельности по охране природы ради выгоды, то Стелла была экологом по зову сердца.

Она знала о нелегальных сделках отца, но понимала: они живут в Луизиане, а здесь ничего не делается без каких-либо закулисных махинаций. И потом, немалая часть его незаконной прибыли уходила на работы по ферме и многочисленные экологические программы.

Девушка спустилась по ступенькам на первый из мостков, проложенных над прудом. За спиной Джо снова раздалась шаги, сопровождаемые легким подрагиванием настила. К нему присоединилась жена, вытиравшая пухлые руки кухонным полотенцем. Она взяла банку с пивом, встряхнула, чтобы определить, сколько осталось, вытащила новую из кармана передника и протянула мужу.

– Спасибо, Пег.

Она устроилась рядом с ним, оперлась локтем о перила и допила остатки его пива. Жена была крупной женщиной, но Джо это нравилось. Он и сам не отличался худобой – живот с каждым годом все больше и больше нависал над пряжкой, а линия волос под шапочкой Луизианского университета отступала с такой же скоростью.

– Не нужно бы ей так заголяться, – сказала жена.

Он посмотрел на Стеллу, которая шла к центральному пруду, и согласился с женой. На дочери были драные шорты и рубашка, завязанная на пупке, но оставлявшая живот открытым. И она явно не унаследовала от них склонности к полноте. Сплошные мышцы и округлости, светлые волосы – настоящая Венера дельты. И Джо прекрасно видел, какое впечатление Стелла производит на местных парней, хотя она сама их вроде как и не замечала.

Вообще-то говоря, шансов на то, что «дядюшка Джо» в названии фермы сменится на «дедушку Джо», было маловато. Он подозревал, что интересы Стеллы не распространяются на парней. Она много, очень много говорила о своей подруге в Тулейне, девушке по имени Сандра, которая носила мотоциклетную куртку и кожаные сапоги.

Но может, это был просто такой период в ее жизни.

Он сделал большой глоток из банки. Если бы только она познакомилась с правильным парнем...

– Ну-ка, мальчик, как насчет того, чтобы перекусить перед сном?

Стелла стояла на смотровой площадке над самым большим прудом фермы. Освещалось это место только фонарем на столбе. Черная вода внизу отражала свет, пряча то, что находилось под ее поверхностью. Одной рукой девушка отодвинула защелку на калитке, в другой удерживая поднос с куриными тушками. Она сама только что забила четырех курочек, и еще теплая кровь стекала с подноса по ее руке.

Поморщившись, Стелла двинулась на голую доску, нависавшую над прудом, как трамплин для прыжков; дойдя до конца, она наклонилась над водой, чтобы увидеть свое отражение.

Поверхность пруда была идеально ровной, но она знала: Элвис там, внизу. Этот аллигатор прожил на ферме дольше всех, он был одним из коренных обитателей нерестового водоема, когда ее отец только приобрел это место. Его отловили уже взрослым, поэтому никто не знал, сколько Элвису лет, но команда биологов высказывала предположение, что около тридцати. Ученые приходили сюда, чтобы брать у обитателей пруда материал для анализа. Протеин, обнаруженный в крови аллигаторов, обещал стать неплохой основой для нового поколения мощных антибиотиков, способных уничтожить самые стойкие микробы.

Но даже биологи не осмеливались приближаться к Элвису. Его длина достигала восемнадцати футов, а вес перевалил за полтонны. С этим созданием были шутки плохи. Он уже вышел из случного возраста, а потому обитал в пруду в одиночестве, что его вполне устраивало.

Этого парня явно избаловали.

Стелла поставила поднос на доску и опустила на колени. Взяв одну из окровавленных тушек, она вытянула руку – капельки крови упали в воду, от них пошла слабая круговая рябь.

Долго ждать не пришлось.

В дальней части пруда тоже появилась рябь, образовав что-то вроде кильватерной струи, острие которой было направлено на Стеллу. Она видела только кончик морды аллигатора, плавно скользившей к ней – неспешно, но решительно. Сзади забурлила еще одна струя, рожденная движениями массивного хвоста Элвиса, который так еще и не появился над водой. Именно этим движением, в котором чувствовалась какая-то сексуальность, аллигатор и заслужил себе имя.

– Давай, Элвис, я не собираюсь торчать здесь всю ночь. – Стелла потрясла тушкой.

Словно в знак протеста, аллигатор исчез из вида, даже рябь на воде пропала. Стелла напряглась. Краем глаза она заметила какое-то движение на берегу пруда. На одно мгновение что-то промелькнуло в лесу, отразив лунный свет, и снова исчезло в темноте. Девушка обернулась – ничего. Наверное, привиделось. В плавнях рассказывали всякие истории про призраков, появление которых обычно объяснялось болотным газом; кейджны называли это *feu follet*, «блуждающий огонь».

Но сейчас это был не болотный газ.

Стелла усиленно вглядывалась, не мелькнет ли что-нибудь снова, напрягла слух, и в этот момент вода под ней взорвалась. Вверх взметнулся фонтан, выброшенный стремительным движением полутонны бронированных мускулов. Распахнулись массивные челюсти, усаженные желтыми зубами, устремились к ней, приблизились настолько, что она, чуть подавшись вперед, могла бы стукнуть аллигатора по носу.

Элвис умел высоко выпрыгивать из воды, так что даже его задние ноги оказывались над поверхностью. Стелла бросила тушку в разинутые челюсти – они тут же схлопнулись с громким щелчком, а потом сила тяжести взяла свое и потащила Элвиса вниз. Плюхнувшись в воду, он исчез со своей добычей.

Стелла бросила в пруд еще две тушки. Обычно аллигатор кидался на корм, реагируя на движение, но Элвис привык есть с руки. Остальное он выловит как-нибудь попозже. Не забыв просьбу отца, четвертую тушку девушка оставила на подносе.

Покончив с кормлением, она взяла поднос и повернулась. У калитки маячило что-то большое; Стелла вздрогнула, сделала шаг назад и чуть не свалилась с доски.

Но это оказался один из охранников, нанятых отцом, – он стоял, прислонившись к столбику калитки, на плече у него висел армейский дробовик двенадцатого калибра.

– Ну, покормила зверюгу? Я гляжу, у тебя кура осталась?

Охранник переместился в полосу света от фонаря. Лет на десять старше Стеллы, медвежьего сложения, он, правда, если и напоминал медведя, то довольно потрепанного. Он носил грязный «стетсон», из-под которого выбивались сальные лохмы каштановых волос, и говорил, не вынимая изо рта зубочистки. Одна его рука покоилась на здоровенной ременной пряжке в форме воловьих рогов.

Она нахмурилась и двинулась к калитке.

– Вы вроде бы должны тут патрулировать. Отец вам за это заплатил.

Но он встал в проходе, загораживая ей путь.

– Будь хорошей девочкой – пойди на кухню и приготовь мне эту курочку.

Он обшаривал ее взглядом с головы до ног, словно его интересовало нечто большее, чем курочка. Отвращение вперемешку со страхом подступило к ее горлу. Стелла отдавала себе отчет в том, насколько уязвима на этой доске – ее положение было довольно опасным.

К тому же она достаточно знала этого человека, чтобы побаиваться его. Гарланд Чейз (более известный как Гар⁹ из-за сходства со злобной змеевидной рыбой, наводившей страх на обитателей плавней) был сыном шерифа, и все в Пасквамиш-Парише знали, что папочка закрывает глаза на темные делишки сынка, включая рэкет и крышевание. Отец Стеллы ежемесячно делал взнос в фонд помощи осиротевшим детям полицейских, и денежки направлялись прямехонько в карман этого мерзавца.

– Мой отец хорошо заплатил вам за эту ночь, – сказала она. – Можете сами купить себе обед.

Изображая бесстрашие, которого вовсе не чувствовала, Стелла распрямила плечи и направилась к калитке. Она не позволит ему запугать ее. Он отошел, но только на один шаг и, когда она попыталась проскользнуть мимо него, в последний момент выставил руку и наклонился к ней. В его дыхании чувствовались винные пары.

– А что такое? Лесбиянки не умеют готовить? Или у вас готовит твоя подружка? Знаешь, что я тебе скажу – тебе нужен настоящий мужик, который научил бы тебя подмахивать, как это полагается хорошей жене.

В одну секунду ее страх переплавился в ярость.

– Я скорее трахнусь с Элвисом.

Гарланд выпрямился, его толстые губы расплзлись в ухмылке.

– Может, я брошу тебя туда к нему – и ты попробуешь. В плавнях всякие несчастья частенько случаются.

Стелла понимала, что это не пустая угроза. От этого мерзавца всего можно было ожидать. Не секрет, что Гар со своими друзьями уже подстраивал такие несчастья. По этой причине ее отец ни разу не пропустил платежа.

Она оттолкнула его руку, но он вцепился в нее – его глаза заволкло свинцовой ненавистью.

В этот момент раздался крик – громкий, резкий и исполненный ужаса. Оба повернулись. Кричали в палаточном лагере.

⁹ Gar – морская щука (англ.).

Глава 14

Лорна в одиночестве сидела на борту пограничного катера, плавно скользившего по узкой протоке, берега которой поросли древними кипарисами. Низкое урчание двигателя убаюкивало ее, и она отдыхала, оглядывая дельту.

В полумиле впереди двигались аэроглицеры, издавая более резкий звук. В темноте их прожектора напоминали болотные огни. Гораздо ближе на ветках посверкивали светляки, время от времени перелетавшие через протоку.

Она прислушивалась к дыханию плавней вокруг: к плеску воды в корнях кипарисов, шепоту листьев под ветерком с океана. Все это сопровождалось кваканьем лягушек-быков, воплями совы, ультразвуковым свистом охотящихся летучих мышей. Ночь дышала чем-то древним и дремучим, словно здесь был осколок первобытного рая, принадлежащий доисторическому миру.

– Хотите поесть? – прозвучало рядом, и она подскочила от неожиданности, вырванная из своих мыслей. Потом выпрямилась, ощущая в воздухе приятный аромат каких-то пряностей, примешавшийся к запаху болотной плесени.

К ней подошел Джек – одной рукой он прижимал к себе шлем, а в другой держал пластиковую миску.

– Гумбо¹⁰ из лангуста. Надеюсь, вы любите бамию¹¹.

– Я южанка, как же я могу это не любить?

Лорна с благодарностью приняла миску и с удивлением обнаружила несколько *rain perdu*¹², плавающих в вареве. Ее мать готовила их каждое воскресенье по утрам: всю ночь вымачивала черствый хлеб в молоке с цикорием, а потом жарила его на сковороде. Этот запах заполнял весь дом. Но чтобы *rain perdu* подавали с гумбо – такого она еще не видела.

Она неуверенно зачерпнула ложкой.

– Рецепт моей *grand-mère*¹³, – с иронией заметил Джек. – Попробуйте.

Она откусила кусок напитанного жидкостью хлеба и закрыла глаза от удовольствия.

– Ой, какая вкуснотища. – Смесь тепла от гумбо и сладость корицы – от этого сочетания она чуть не лишилась чувств.

Теперь та же ирония отразилась на лице Джека:

– Мы, кейджны, понимаем толк в кулинарии.

Он сел рядом, поглядывая, как она уплетает гумбо. Они молчали, и неловкость между ними медленно нарастала. Слишком многое отягощало их общие воспоминания – призраки прошлого в тишине и темноте плавней обретали почти физическую реальность.

Наконец Джек разрушил напряжение: словно пытаясь рассеять темноту, он выкинул вперед руку и схватил огонек, пролетающий мимо. Когда он разжал пальцы, на ладони оказался потемневший светлячок – волшебство исчезло, он снова стал всего лишь маленьким крылатым жучком.

– Если моя *grand-mère* была хорошей кухаркой, то мой *grand-père*¹⁴ был кем-то вроде врача. У него имелась масса всяких домашних способов лечения. Вывалиться в перечной траве, чтобы прошли боли. Если у вас лихорадка – спите под кроватью. Он делал бальзам

¹⁰ Гумбо – блюдо, распространенное в штате Луизиана, густой суп со специями.

¹¹ Бамия – овощная культура, не требующая длительной тепловой обработки, может быть гарниром к мясу или птице, а также заправкой для супов.

¹² Гренки из черствого хлеба (*фр.*).

¹³ Бабушка (*фр.*).

¹⁴ Дедушка (*фр.*).

из давленных светляков, смешанных с чистым пшеничным спиртом, и уверял, что это лечит ревматизм.

Джек подул на жука, и тот полетел, снова ярко засветившись в воздухе.

– Я до сих пор помню, как он в нижнем белье бродит по дому, а колени и плечи у него светятся от этой мази.

У нее вырвался добродушный смешок.

– Ваш брат когда-то рассказывал об этом. Говорил, что один раз до смерти испугался.

– Я помню. Grand-père умер, когда Тому было всего шесть. Он был слишком маленький – ничего еще толком не понимал. Когда мы видели болотный огонь в дельте, я ему говорил, что это дух grand-père пришел за ним. Он ужасно пугался всякий раз.

Лорна улыбнулась: воспоминания обоих, оттолкнувшись от Тома, нанизались друг на друга. Тишина снова обволокла их. В обществе Джека эта проблема неизменно возникала. О чем бы они ни говорили – перед ними обязательно появлялись призраки прошлого.

В этот момент тишина могла бы сокрушить их, разъединить, но Джек не позволил этого и остался сидеть. Между ними жило столько недосказанного, оставленного на долгие годы необъясненным. Голос его перешел на шепот, но она все равно слышала в нем боль.

– Я должен спросить... вы когда-нибудь жалели о вашем решении?

Лорна напряглась. Она никогда не обсуждала ни с кем этот вопрос, по крайней мере, напрямую. Но если кто и заслуживал честного ответа, то в первую очередь – Джек. Ей стало труднее дышать. В памяти воскресла та минута в ванной – она смотрит на полоску теста на беременность. Как и всегда, прошлое было всего в полшаге от нее.

– Если бы я могла, я бы вернула все назад. И не только ради Тома. И дня не проходит, чтобы я не думала об этом. – Ее рука прижалась к животу. – Мне следовало быть сильнее.

Джек помолчал секунду, явно взвешивая, сколько и что сказать.

– Вы с Томом были совсем детьми.

– Мне было пятнадцать. – Она чуть покачала головой. – Достаточно, чтобы понимать.

До и после.

Однажды после танцев они с Томом занялись любовью в сарае в саду. Они были глупыми и влюбленными, хотя встречались уже целый год. Оба на тот момент являлись девственниками, соитие вышло болезненным, неумелым и сопровождалось множеством заблуждений.

Например, насчет того, что с первого раза забеременеть нельзя.

После того как не пришли очередные месячные, а потом беременность была подтверждена тестом, с этим конкретным заблуждением она рассталась. Полновесная реальность, требующая настоящей ответственности, непосильным грузом легла на плечи подростков. Они никому ничего не сказали – хранили свою ужасную тайну. В течение следующего месяца она скупала в соседней аптеке все комплекты для проверки на беременность и каждую ночь коленопреклоненно молилась.

Что им оставалось делать?

Она не была готова рожать, становиться матерью. Том пребывал в ужасе – боялся реакции родителей. Ее тоже воспитывали в католических традициях, первое причастие она принимала в соборе Сент-Луиса. Никакого выхода она не видела, в особенности если родители узнают правду.

Том внес предложение. В соседнем приходе имелась акушерка, которая делала подпольные аборты, причем не какая-нибудь доморощенная умелица, а получившая подготовку в Центре планирования деторождения. Там она приобрела необходимый опыт, а на черном рынке – кое-какие инструменты и лекарственные средства, после чего открыла что-то вроде частной клиники в старом доме в дельте. Бизнес у нее процветал: она обслуживала не только перепуганных подростков, но и неверных жен, жертв изнасилований и всех прочих, кому

требовалась конфиденциальность. А таких в Южной Луизиане пруд пруди. Здесь действовал неписанный закон: пока ты о чем-то не говоришь, этого вроде и не существует.

В конечном счете в этом-то и состояла истинная сила дельты. В ее темных водах можно навечно похоронить любые тайны.

Но было бы заблуждением думать, что эти тайны и в самом деле умирали. Кому-то все же приходилось жить с ними. И то, что, казалось бы, исчезло навсегда, вдруг всплывало на поверхность.

Джек увидел отражение боли в напряженной позе женщины, скорбь, искажившую ее лицо. Не следовало ему начинать этот разговор. Не его это дело – допрашивать, забивать кол в ее сердце. Что касается этой истории, то у него тоже есть свой крест. Может быть, поэтому он и здесь – чтобы найти какой-то способ простить самого себя.

– Том ни слова не сказал о беременности, – бросил Джек в тишину. – Даже мне. А у нас была одна спальня на двоих, и я чувствовал: что-то у него не так. Он стал таким мрачным и тихим, бродил по дому, словно ждал, что его кто-нибудь шарахнет по голове. И только в ту ночь он выпил и стал рассказывать сквозь рыдания... Наверное, хотел получить искупление грехов от старшего брата.

Лорна повернулась к нему – она ничего об этом не знала.

– И что он сказал?

Джек потер щетину на подбородке; звук получился слишком громкий, и он уронил руку на колени.

– Вы в то время были у акушерки. А он ждал вас и, пока суд да дело, отправился в какой-то захудалый бар и нагрузился там самогоном.

Она смотрела на него, ожидая продолжения, а он знал, что дальнейшая часть истории ей хорошо знакома.

– Я его толком не мог понять. Вы от него забеременели. Это, по крайней мере, было ясно.

– Ну, это была не только его вина.

– Но чувство вины снедало Тома. Он был уверен, что погубил вашу жизнь и теперь вы возненавидите его. Но больше всего его угнетало, что он уговорил вас отправиться к этой акушерке. Ему казалось, что это неверное решение, но исправить уже ничего было нельзя.

Она мельком взглянула на него:

– Я знала, что он перепуган... как и я сама. Но не представляла, что он так мучается. Он скрывал это от меня.

– Это все кейджнские заморочки. *Joie de vivre*¹⁵. Печаль нужно скрывать, в особенности если ты мужчина. Наверно, поэтому Том и напился. Не мог терпеть без какой-нибудь анестезии.

Она нахмурилась.

– Когда я вернулась и увидела, что он едва стоит на ногах, я ужасно рассердилась. Мне было больно, меня шатало от всех этих лекарств, а он – на тебе, напился. Я на него накричала, наговорила всякого. Мы собирались после этого поехать в отель. Все было спланировано, мои родители думали, что я осталась ночевать у подружки. Но когда я нашла его в таком состоянии, то поняла, что придется нам провести ночь в кузове пикапа – дожидаться, когда он протрезвеет.

У нее перехватило голос, и Джек знал почему.

– Но Том пил не в одиночестве.

– Да.

¹⁵ Радости жизни (*фр.*).

В это время Джек мчался через весь приход на своем мотоцикле. После пьяного звонка брата он знал, что Том явно не в состоянии вести машину и ему нужна помощь.

Лорна заставила себя смирить волнение, отодвинув воспоминания подальше.

– Когда они пришли, Том уже вырубился там, в кузове. Они стащили меня с кушетки, уложили на землю – я и глазом моргнуть не успела. Я сопротивлялась, но они держали меня. Они стянули мои джинсы до колен, разорвали рубашку.

– Лорна, не надо, хватит.

– Я их не могла остановить. – Она, казалось, не слышала его. – Я до сих пор помню вонючее дыхание этого пьяного недоноска. Его смех. Его руки на мне. Мне нужно было быть осторожнее. – Голос ее сорвался, по телу пробежала дрожь.

– Они хищники, – сказал Джек, надеясь пригасить ее чувство вины. – Они, вероятно, постоянно околачивались у этой подпольной клиники. Женщины, которые оттуда выходили, становились их легкой добычей. Кто бы стал сообщать в полицию? Ведь не женщина, которая делала аборт в подпольной клинике. Молчание жертв было практически гарантировано. Эти сволочи, наверно, подпоили Тома дешевым самогоном, чтобы он не вмешался. А вы остались одна и без защиты.

– Но я не осталась одна. – Она повернулась к нему, ее глаза сверкнули в темноте.

Джек успел вовремя – затормозил так резко, что заблокированные колеса пронесли его еще на несколько метров. Увидев их у самого леса, он бросился на них, однако даже жажда крови не заглушила в нем понимания, как следует действовать. Трое против одного – значит, надо преподать им урок, отделать одного с такой жестокостью, чтобы устроить двух других. Он стащил этого мерзавца с Лорны, заломил руку так, что хрустнула кость и парень закричал. А потом Джек, совершенно озверев, ударил насильника ногой – сломал нос, челюсть, выбил несколько зубов.

У него хватило здравого смысла крикнуть Лорне, чтобы она садилась за руль и сваливала отсюда, – как знать, сколько тут еще таких же, не привлекут ли звуки драки их дружков.

Во время потасовки Лорна медлила у двери пикапа, и он решил, что страх парализовал ее.

– Давай мотай отсюда, глупая сучка! – крикнул он и до сих пор корил себя за эти слова. Не только за их жестокость, но и за то, к чему они привели.

Она запрыгнула на водительское сиденье, взревел мотор – и машина понеслась. Избивая человека до кровавого месива, Джек видел, как она помчалась прочь с парковки на узкую, петляющую дорогу. В то время он не догадывался, что его брат, вырубившись, лежит в кузове. Правду он узнал только потом, когда все уже случилось. В темноте Лорна не успела сориентироваться, не вписалась в поворот и врезалась в дерево.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.